

stephen **Fry**

Фрай
СТИВЕН

Гиппопотам

Отличное чтение: великолепные шутки, блистательная игра слов, непредсказуемый сюжет и очень много неприличностей.

Какая чудная игра – Стивен Фрай.

Стивен Фрай
Гиппопотам

«Фантом Пресс»

1994

Фрай С.

Гиппопотам / С. Фрай — «Фантом Пресс», 1994

ISBN 978-5-86471-623-6

Тед Уоллис по прозвищу Гиппопотам – стареющий развратник, законченный циник и выпивоха, готовый продать душу за бутылку дорогого виски. Некогда он был поэтом и подавал большие надежды, ныне же безжалостно вышвырнут из газеты за очередную оскорбительную выходку. Но именно Теда, скандалиста и горького пьяницу, крестница Джейн, умирающая от рака, просит провести негласное расследование в аристократической усадьбе, принадлежащей его школьному приятелю. Тед соглашается – заинтригованный как щедрой оплатой, так и запасами виски, которыми славен старый дом. Но задача оказывается гораздо сложнее, чем он предполагал, – Тед, собственно, не понимает, что ему нужно искать и где разнюхивать. В поместье тем временем стягиваются гости, и все они настойчиво ищут общества юного Дэвида и столь же настойчиво твердят о некоем Чуде Господне. Лишь цинично-наивному Теду требуется не Божья благодать, а еще одна бутылка виски, но именно ему предстоит разобраться с Чудом. Английский писатель, актер, шоумен и просто человек-оркестр, Стивен Фрай является одним из самых необычных авторов, пишущих на английском языке. Парадоксальным образом он сочетает сюжетную занимательность, изощренную словесную игру, цинизм, теплую интонацию, абсурдизм и весьма трезвый взгляд на жизнь.

ISBN 978-5-86471-623-6

© Фрай С., 1994
© Фантом Пресс, 1994

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	23
I	23
II	29
Глава третья	34
I	34
II	38
III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Стивен Фрай Гиппопотам

Посвящается Киму, alter ipse amicus¹

Автор хотел бы поблагодарить Мэтью Райса за бесценную помощь при описании охотничьих сцен. Во всех неточностях по этой части повинен исключительно он.

*Толстозадому гиппопотаму
Болотисто бультыхается;
Мним: он бессмертен, а ему
На плоть и кровь икается.²*

Т. С. Элиот. «Гиппопотам»

Предисловие

От задницы вроде меня толкового рассказа ожидать не приходится. Вот все, что мне удалось выжать из этой грязной машины. Я подсчитывал написанные слова, думаю, каждый час, и если технике можно доверять, похоже, вы получили их 94536. Желаю удачи. Сами напросились, сами мне заплатили, сидите теперь, читайте. Как сказал кто-то, я страдал ради моего искусства, сейчас ваша очередь.

Не стану уверять, будто эксперимент был абсурден от начала и до конца. Осуществление Проекта, как вы упорно его именуете, не позволяло мне закладывать за воротник во время второго завтрака, пускать слюни при виде недостижимых для меня женщин и лаяться с живущими по соседству уродами. Следуя вашим инструкциям, я вел эти семь месяцев жизнь более-менее регулярную, и, как мне говорили, преимущества ее явственно подтверждаются цветом моего лица и белков, а также обхватом талии.

Ритуал я установил строгий, доставлявший мне извращенное удовольствие. Каждое утро я поднимался в час, который большинство приличных людей посвящают размышлениям о том, не пропустить ли им еще стаканчик перед постелью, принимал душ, легкой поступью спускался по лестнице, схрупывал тарелку мюслей и направлял мои неохочие шлепанцы к кабинету. Там я включал компьютер – процедура, которую сын мой Роман именует «вхождением в матрицу», – выпучивал полные отвращения глаза на введенный накануне вздор, прослушивал несколько дурацких записей моих разговоров с Логаном, закуривал «Ротманс» и брался, черт подери, за работу. Если день складывался удачно, я поднимался потом наверх, дабы отпраздновать это дело сеансом легкой мастурбации, – Роман несомненно назвал бы это «вхождением в матрац», – а о бутылке часов до семи вечера даже и не вспоминал. В общем и целом похвальная и чистая жизнь.

Человек, снимающий домик в деревне, сталкивается с одной серьезной проблемой: все вдруг вспоминают, что он им друг. Мне приходилось бесконечно отбредиваться от Оливера, Патриции, Ребекки и прочих, полагающих, видимо, что запасы моего времени безграничны, а винный погреб – бездонен. Иногда Сука сплавляла мне на уик-энд сына или дочь, но они уже достаточно большие и испорченные, чтобы заботиться о себе самостоятельно и не требовать моей помощи, когда им нужно свернуть косячок или вставить спираль. Леонора на той неделе и вовсе переезжает в дом, который я ей отдал, и, стало быть, ее я сбыл с рук окончательно. Она слишком стара, чтобы цепляться за мой рукав.

Нет, в конечном итоге я бы сказал, что все сложилось более чем удовлетворительно. Как процесс то есть, как процесс. А уж присутствует ли в продукте что-либо, позволяющее предложить его вниманию публики, это, естественно, вам судить.

Я вполне сознаю, что с ним придется еще возиться и возиться. Решайте сами, стоит или не стоит вводить в него некий все объединяющий взгляд... последовательный рассказ от третьего лица, всеведущего автора, наивного наблюдателя или простодушное «я» – всю ту херотень, о которой толкуют на университетских курсах «Худ. Лит.». Поскольку половина написанного имеет форму писем, вы всегда можете подстричь что-то в одном месте, причесать что-то в другом и выдать полученное за «Роман в письмах», так?

Что до названия, мой любимый кандидат таков: «Поэзия других». Я чувствую, однако, что ваши немые знатоки рынка сочтут его отчасти педерастичным. Мне оно представляется лучшим и единственным. И какие бы дешевые альтернативы ему вы ни измыслили, для меня эта книга навсегда останется «Поэзией других», и ничем иным. Ваше предложение – «Что дальше?» или «И что теперь?», точно не помню, – на мой вкус, чересчур отдает Джозефом Хеллером – этакий разящий апперкот с оглядкой на рынок. С другой стороны, «Кудесник» мне, скорее, нравится, на такую замену я, пожалуй, и согласился бы. Не сомневаюсь, ваши умники порадуют нас еще какой-нибудь дурацкой идеей.

Приводимые ниже подробности более-менее точны. Если вас поразит приступ издательской трусливости, можете изменить имена и даты – мне плевать. Тем временем, по получении настоящего письма, вам надлежит выплатить мне вторую четверть аванса, а поскольку я вновь отправляюсь в родные туманы, дабы найти себе девку и выпивку, будьте любезны перебросить чек в «Каркун»,³ в каковом заведении вы можете также, когда разродитесь профессиональным мнением, чего бы оно ни стоило, оставить для меня сообщение.

Э. Л. У.

³ Подразумевается, вероятно, консервативный клуб «Карлтон». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава первая

Ну, в общем, да, из газеты меня поперли. Повод – ханжеская ахинея: я, дескать, орал из партера нечто оскорбительное, да еще и на премьере.

– В основе театральной критики должны лежать взвешенные суждения, – хныкала ходячая диарея, которая числится у нас в редакторах. Его до сих пор трясло от воя и визга, все утро поступавших в газету по факсу и телефону от актеров, режиссеров, продюсеров и (вы не поверите) напыщенных, трусливых резонеров, моих братьев-рецензентов. – Вы знаете, Тед, я всегда принимаю сторону моих сотрудников. И знаете, как я ценю вашу работу.

– Ни черта подобного я не знаю. Я знаю одно: люди поумнее вас объяснили вам, что я стану жемчужиной в вашей нечищенной короне.

Я знал также, что он состоит в сообществе слабоумных пигмеев, которых хоть пруд пруди в фойе и барах вест-эндских⁴ театров, – эта публика сидит над своим джином с тоником и в один голос блеет: «Я хожу в театр, чтобы получать удовольствие». Так что я ему заодно уж и это сказал – и еще кое-что добавил, чтобы зазря не пропало.

Месячное жалованье, глубочайшие сожаления, телефонный номер какой-то вонючей клиники для алкоголиков – и перо мое стало свободным.

Если вы человек порядочный, ну хотя бы наполовину, вас, вероятно, откуда-нибудь да выгоняли... из школы, из совета директоров, из спортивной команды, из комитета по присуждению премий, из клуба, из секты сатанистов-растлителей, из политической партии... откуда угодно. Стало быть, вам знакома та буйная радость, что вскипает в человеке, когда он вылетает из кабинета директора школы, опустошает свой шкафчик в раздевалке или сметает со своего письменного стола листки промокашки. Против факта не попрешь, все мы чувствуем себя недооцененными, официальное же заявление, что мы-де никуда не годимся, лишь подтверждает наши догадки насчет того, что бесчувственный мир не способен оценить нас по достоинству. А это странным образом повышает то, что психиатры и всякая журналистская сволочь именуют самооценкой, поскольку доказывает: мы были правы с самого начала. В этом мире оказаться хоть в чем-то правым – переживание редкостное, способное творить с *amour propre*⁵ чудеса, даже если, не считите за парадокс, правы-то мы оказываемся лишь в наших подозрениях, что все и каждый считают, будто природа впустую на нас потратилась.

Погрузившись на катер, день за днем пролагающий свой идиотический курс между землей газетчиков и настоящим Лондоном, я смотрел, как из этой земли вырастает здание «Воскресного испражнения», как увеличивается расстояние между мной и унылыми доками, и ни в какую хандру не впал, обиды не ощутил, – напротив, великое облегчение нарастало во мне, этакий предканикулярный восторг.

В такую пору, но и только в такую, дочь может оказаться истинным благословением. Времени было половина первого, и, стало быть, высокие каблочки Леоноры уже процокали в сторону клуба «Каркун». Вы, вероятно, знаете, о каком клубе речь, – назвать его настоящее имя я не могу, по судам затаскают, – вращающиеся двери, большой бар, комфортабельные кресла, рестораны, относительно приемлемые картины на стенах. Днем здесь роятся продувные издатели и те, что с недавнего времени именуются «медиахедами»; ночами – находящиеся при последнем издыхании обглодки вчерашней богемы Сохо да конченные пьянчуги, вдыхающие первые пары своего завтрашнего рациона.

⁴ Вест-Энд – фешенебельный район на западе Лондона.

⁵ Самолюбие; гордость; чувство собственного достоинства (*франц.*).

Леонора (идея не моя – вот имя, способное сказать вам все, что стоит знать о ее пустоголовой мамаше), которую я обнаружил в пивном баре, обняла меня, облизала и визгливо воскликнула:

– Папочка! Ты-то как здесь днем оказался?

– Если ты вынешь из моего уха твой нечистоплотный язык, я тебе, так уж и быть, расскажу.

Она, похоже, воображает, будто зрелище мало кому известной дочери и почти никому не известного отца, милующихся подобным манером, пробудит зависть и обожание в тех представителях ее скаредного на проявление чувств буржуазного поколения, которые видятся с родителями разве что за чашкой чая в каком-нибудь отеле и которым даже в голову не придет покурить, попить пивка и посквернословить с предками на публике. Типичная Леонора, черт бы ее побрал; да по всей стране стоят пивнухи, в которых люди аж трех поколений, члены самых обычных семей, каждый божий вечер клюкают, курят и костерят друг дружку, и никому из них даже в голову не приходит, до чего же им ну просто баснословно подфартило, что вот они состоят в таких блестящих, потрясающих отношениях со своими изумительными папочками.

Я уронил на стол пачку «Ротманс», зажигалку и плюхнулся на банкетку, которая едва не испустила под моей тяжестью дух, точно я – это не я, а римский император. Всегдашние дешевки отводили, пока я оглядывал зал, глаза. Двое актеров, горстка препротивных рекламодателей, та богиня, что ведет на Четвертом канале архитектурную программу, парочка истасканных старых балбесов, которых я счел рок-звездами, и четыре бабы за одним столиком: одна – издательница, а трех остальных я с удовольствием отвел бы наверх и с большей или меньшей свирепостью насадил себе на член.

Леонора, которую я ни на что насаживать желания не испытывал, за что в наше неумолимое время остается лишь благодарить богов, выглядела сегодня похудевшей, да и глаза у нее лучились пуще обычного. Не зная я, что сие нынче не в моде, решил бы, что она подсела на какой-то наркотик.

– А это зачем? – спросил я, беря лежавший перед ней на столе портативный магнитофончик.

– Готовлю биографический очерк о Майкле Лейке, – ответила она. – Для «Города и окрестностей».

– Об этом мошеннике? Из-за его жидкого испражнения в трех актах я здесь и оказался.

– Что это значит?

Я объяснил.

– Ох, папочка, – простонала она, – ну ты просто край! Я была в понедельник на генеральной репетиции. И считаю пьесу просто блестящей.

– Еще бы ты не считала. Вот потому ты – никудышная приставка к клавиатуре компьютера, убивающая время сочинением чудовищной белиберды на потребу снобистских глянцевого журнальчиков в надежде, что какой-нибудь богатый, полуаристократический педик провозгласит тебя племенной кобылкой. А я, при всех моих недостатках, все-таки остаюсь писателем.

– Ну теперь-то ты уже не писатель, верно?

– Орел и в путах все-таки орел, – с величавым достоинством изрек я.

– Ладно, и что ты собираешься делать? Ждать новых предложений?

– Этого я не знаю, давняя любовь моя, зато знаю вот что: мне нужно, чтобы твоя мамаша слезла с моей шеи, пока я все не утрясу. Я и так уж ей за два месяца задолжал.

Леонора пообещала сделать что сможет, и я удрал из пивного зала – вдруг лакеистый Лейк пробудился нынче раньше обычного. Драматурги чаще, чем представители прочих профессий, опускаются до того, чтобы плескаться хорошим вином или лезть с кулаками на тех,

кому случается назвать настоящим именем тухлятину, которой они облевали доверчивую публику.

Я сидел в баре, поглядывая в висевшее прямо передо мной зеркало. В нем хорошо было видно каждого, кто сюда входил.

По всему бару щебетали люди – одни поджидали тех, кто надумал их угостить, другие – своих приживалов; дневной запашок женщин и солнце, вливавшееся в окно, создавали атмосферу настолько отличную от ночной, с ее мглистым, переменчивым свечением, что могло показаться, будто мы попали совершенно в другое место, да и десятилетие тоже. В американских забегах, которые нередко располагаются ниже уровня улицы – вот как тот претенциозный бар из жуткого телесериала, что идет по Четвертому каналу, – все, способное напомнить о дневном свете, попросту истребляется. Полагаю, там не хотят напоминать клиенту, что снаружи кто-то занят полезным трудом, а то он, упаси боже, начнет мучиться мыслью о зря потраченном времени. Подобно чопорным европейцам, число коих все возрастает, американцы также ставят пьянку в один ряд с распутством и картежной игрой, почитая их делами, которые следует вершить в темноте. Я человек бесстыдный и не вижу нужды тайком удирать в Тоскану или на острова Карибского моря, чтобы без зазрения совести надираться при солнечном свете. И это обращает меня в монстра обеденного мира, из коего сверкание вин изгоняют посредством окропления минеральной водой, в котором блеск излишеств топят в ароматическом уксусе или укутывают, точно в одеяло, в цикорий, *lollo rosso* и ракет-салат. Господи, в какое безотрадное время мы живем, задницу и ту судорогой сводит.

Однажды – раз уж мы напали на тему сооружения салатов – романист Уэстон Пейн соорудил на завтраке для литературных поденщиков салат из щавеля, листьев фикуса и иной незащипанной листы, нащипанной им в садах обитателей Гордон-сквер. Он оросил все это уксусом и прованским маслом и, присвоив месиву названия вроде *cimabue*,⁶ *putana vera* и *lampedusa*,⁷ подал на стол, сорвав всеобщий аплодисмент. Один мерзопакостный зануда из «Санди таймс»⁸ имел при этом наглость заявить, будто *putana vera* ничего не стоит купить и в его челсийском «Уэйтроузе».⁹ Бутылка лондонской водопроводной воды, охлажденной и пропущенной через сатуратор, высасывалась за этим завтраком с выставляемым напоказ наслаждением, благо на ней значилось: «Аква Краналетто». Название более чем подходящее. В конце концов, целых двадцать лет романы Уэстона подсовывались той же никчемной шелупони под видом литературы, и никто так ничего и не заметил. Мне иногда кажется, что Лондон – самый большой в мире подиум, по которому разгуливают голые короли. Возможно, так было всегда, однако в прежние дни мы не боялись крикнуть: «Ты же голый, задница ты дурная! Вон, смотри, все яйца наружу!» А ныне вам достаточно только пукнуть в присутствии брюнеточки из «Санди таймс», чей папаша либо отставной политикан, либо второстепенный поэт вроде меня, – и вас превознесут как нового Теккерей и биографические очерки о вас станут печатать в журналах.

Если вы моложе меня, а это, в статистическом смысле, неизбежно, вы и представить себе не можете, что значит принадлежать к поколению выпивох и курильщиков. Одно дело, когда, старея, вы обнаруживаете, что следующие за вами поколения никудышней, неразборчивей, необразованней и, в массе своей, куда более свински невежественны и охеренно тупы, чем ваше собственное, – это открытие совершает каждое из поколений, – но ощущать, как вас обступает ползучее пуританство, видеть носы, которые сморщиваются, когда вы ковыляете мимо, улавливать сочувственное отвращение юнцов с розовыми легкими, чистой печенью и неиспорченным зрением, испытывать навязанные вам совершенно посторонними людьми чувства чело-

⁶ Джованни Чимабуэ (ок. 1240 – ок. 1302) – итальянский художник эпохи Проторенессанса

⁷ Томази ди Лампедуза (1896–1957) – итальянский писатель, автор знаменитого романа «Леопард».

⁸ Лондонская воскресная газета консервативного направления.

⁹ Сеть супермаркетов.

века, опоздавшего на автобус, о котором ему никто ничего не сказал и который следует в места, о коих бедняга и слыхом не слыхивал, – вот это, знаете ли, тяжело. И все эти паиньки, эти самодовольные Мальволио разгуливают вокруг вас с бледными, достойными распоследнего старосты старшего класса личиками, на которых написано: «Если вы не против, некоторым из нас завтра экзамен сдавать, нет, честное слово». Просто рвать тянет.

Похоже, птичка, занимавшая соседний табурет, заметила на моем лице отблески злости, которую я ощущал, поскольку смирившая меня долгим косым взглядом, не сознавая, что я отлично вижу ее в зеркале. Затем сгрузила с табурета немного костлявую, но аппетитную попку и удалилась к креслу в углу, оставив меня одиноко пасть за стойкой, грызя корнишоны и подбедая кешью. Где-то я ее видел. Ставлю пять против двух, что она ведет колонку в «Стандард».¹⁰ Леонора могла бы сказать точно.

Великий драматург, натурально, запоздал на десять минут и проследовал в ресторан, меня не заметив. Самодовольная улыбка, игравшая на его физиономии, указывала на то, что он либо уже успел одурачить большую часть моих прежних коллег, что вовсе не сложно, либо услышал упоительную новость о моем увольнении. Скорее всего, произошло и то и другое. Он, разумеется, об этом не помнит, поскольку такие никогда ничего не помнят, но именно я первым открыл этого мелкого проходимца. Случилось это в те давние дни, когда я вечерами таскался по экспериментальным театрикам и отсиживал представления театральных артелей с названиями вроде «Начальный Задел» или «Общее Пространство»; во времена, когда один мой кивок гарантировал переход из зальца над какой-нибудь баттерсийской пивной в плюшевый драматический бордель Вест-Энда. Майкл Лейк сочинил пьесу, которую в мире получше нашего сочли бы вполне заурядной, однако в нашем она выглядела чем-то из ряда вон – по причине банальности, безграмотности и самодовольной брюзгливости практически любого нового творения, написанного в тот год и в предшествовавшие ему пять прочих. В навозной куче и пластмассовая бусина способна сверкнуть жемчужиной. То был семьдесят третий, в крайнем случае семьдесят четвертый год. Теперь-то, конечно, об этом молочном торговце и заметки нельзя написать без того, чтобы ее в богатой рамке не выставили для всеобщего обозрения и преклонения в Национальном театре... в *Королевском* национальном театре, раболепно прошу у него прощения и остаюсь неизменно готовым облизать его задницу. Несколько вспышек здорового гнева и достойной страстности, по временам озарявших его ранние опусы, давно уж с шипением угасли в толчке, куда их смысла невыносимо напыщенная забота о состоянии нации, полное безразличие к публике или к самому существованию театра. Разумеется, он, как человек, принадлежащий к поколению, которое презирает любую конкретику, сказал бы «полное безразличие к концепции публики и самого существования театра», как будто Публика – это нечто бесформенное, а не живой сумбур кашляющих и шаркающих ногами людей, Театр же есть интеллектуальная сущность, целиком оторванная от актеров, декораций, софитов и дощатых полов сцены. Какое ему дело до того, что Театр выбивается из сил, стараясь превратить его унылые тексты в нечто такое, что почти удастся сносить в течение целого вечера, и какое – до того, что эта самая Публика оплатила его водяную мельницу в Суффолке и кошмарную коллекцию Брэтби¹¹... не могут же они ожидать, что он скажет им за это спасибо. Напротив, общая идея сводится к тому, что как раз они-то и должны его благодарить. Его, бог весть что о себе возомнившую подтирку для задницы.

– Еще того же, – сказал я бармену.

– Позвольте, я заплачу... – произнес рядом со мной голос, женский.

– Одна из прекраснейших в нашем языке фраз, – не поворачиваясь, сказал я.

¹⁰ «Ивнинг стандарт» – ежедневная лондонская вечерняя газета консервативного направления.

¹¹ Джон Рэндэлл Брэтби (1928–1992) – английский художник.

В зеркале мне было видно, что голос принадлежит все той же дамочке с тощей попкой, вернувшейся на свой табурет у стойки. Абсолютно *преlestная* миниатюрная женщина из тех, что заставляют мой корешок значительно увеличиваться в размерах.

– И «Мейкерс Марк»¹² для меня, – прибавила она, указав на бутылку, стоявшую на полке высоко над баром.

Разбирается, одобрительно подумал я. Вашему многоопытному пьянчуге хорошо известно, что любой бармен с первого раза обязательно недослышит, какой напиток вы ему назвали, и потянется за другим. «Не “Гленливет”, а “Гленфиддиш”!»¹³ Да нет, олух, не “мискет”, а виски...» Всегда прежде отыщите бутылку глазами и, делая заказ, ткните в нее пальцем. Сэкономите кучу времени.

Пока она усаживалась, повеяло чем-то, отдающим «Флорис» или по крайности «Пенхалигоном».¹⁴ Недурные грудки, тонкая белая шея. В повадке ее присутствовало нечто невротическое – в женщинах, завсегдатайках бара, обычно пребывающих на грани истерики, каковая сопровождается битьем посуды и плюхами, раздаваемыми ни в чем не повинным соседям, это замечаешь почти мгновенно.

Родди налил в высокий стакан порядочную порцию виски, а она между тем бдительно следила за ним. Еще один хороший знак. Одно время я приятельствовал с Гордоном Феллом, художником, – это было еще до того, как его возвели в рыцарское достоинство и он счел себя птицей слишком высокого полета, чтобы якшаться с разной шпаной; в шестидесятые мы с ним довольно регулярно навещали разного рода низкопробные заведения. Гордон неизменно заказывал «Старого модника» – лет тридцать на него угрохал, не меньше. И никогда, ни на секунду не отрывал взгляда от рук барменов, пока те смешивали ему этот коктейль, – вылитый игрок в очко, следящий за сдачей карт. Как-то вечером Мим Гантер, старая ведьма, ведавшая оптикой в нашем любимом писсуаре – в клубе «Доминион» на Фрит-стрит,¹⁵ – загремела в больницу, и место за стойкой бара занял ее сын, Кол. Нуте-с, Колу было всего шестнадцать, о составе «Старого модника» бедный паренек не знал ни аза, и можете меня поиметь, если и у Гордона представления о нем не были самыми туманными. Я попытлся потом подсчитать, сколько часов своей жизни Гордон провел, глядя немигающими глазами, как смешивают это пойло, но у меня вышли бумажные салфетки, и вычислений я не завершил. Я знал, что в коктейль входит горькая настойка «Ангостура», однако тем мои сведения и исчерпывались. В конце концов нам пришлось позвонить в больницу и потребовать к телефону Мим, уже приодетую и подготовленную к поездке в операционную, где ей собирались вырезать из гортани раковую опухоль. Разумеется, наш SOS ее бесконечно тронул. Мы находились футах в десяти от телефона, на другом конце бара, и все равно слышали, как она хрипло поливает бесталанного Кола самой отборной матерщиной и орет докторам, чтобы те к ней не лезли, «это по делу». Два часа спустя она умерла под скальпелем, и сооруженный по доверенности «Старый модник» Гордона Фелла занял свое место в истории как последний из смешанных ею коктейлей.

Вся штука в том, что за барменом-то мы наблюдаем, но ничего толком не усваиваем. Нас отвлекают успокаивающие движения его рук, приятная адекватность запасов выпивки за его спиной, краски, шумы, богатые, о многом говорящие ароматы. Я знал людей, не умевших водить машину и одновременно не способных припомнить маршруты, по которым их годами ежедневно возило такси.

После того как Родди опустил бокал на бумажный кружок, придвинул к нам пепельницу и тихо удалился, мы получили возможность побеседовать.

¹² Марка бурбона, производимого в штате Кентукки, США.

¹³ Марки шотландского виски.

¹⁴ Дорогие лондонские парфюмерные магазины.

¹⁵ Улица в Сохо.

– Ваше здоровье, мадам.

– И ваше.

– Справедливо ли мое ощущение, – поинтересовался я, – что мы с вами где-то встречались?

– Вот и я спрашивала себя о том же, пока сидела здесь. Но решила, что вы чересчур грозны, чтобы лезть к вам с вопросами, и потому удалилась в угол.

– Грозен? – Эту чушь мне уже приходилось слышать. Тут что-то связанное с моими челюстями, бровями и выпяченной, как у Бернарда Ингема,¹⁶ нижней губой. – На самом-то деле я кроткий агнец.

– А потом, уже усевшись в углу, я вдруг сообразила, что вы – Тед Уоллис.

– Он самый.

– Вы меня, возможно, не помните, но...

– О черт, мы ведь с вами ничем таким не занимались, верно?

Она улыбнулась:

– Определенно, нет. Я – Джейн Суонн.

Произнесено это было таким тоном, словно само ее имя никак не позволило бы мне приударить за ней.

– Джейн Суонн. И что же, мы с вами знакомы?

– Вспомните маленькую купель в Суффолке, двадцать шесть лет назад. Младенец и многообещающий поэт. Младенец кричал во все горло, а многообещающий поэт приносил обеты отвратиться от всего суетного, плотского и греховного. Обеты, которым младенец и тот не поверил.

– Ну-у! Чтоб я переспал с лучшим моим сапогом! Джейн Баррелл!

– Вот именно. Хотя теперь я Суонн.

– Я, надо думать, задолжал тебе уйму серебряных колец для салфеток. И нравственные наставления, которых хватило бы на целую библиотеку.

Она пожала плечами, словно желая сказать, что не считает меня человеком, чей вкус по части серебряных колец или нравственных наставлений совпадает с ее. Теперь, приглядевшись к ней, я обнаружил в чертах Джейн нечто, напоминающее ее кошмарных родителей.

– Да я и не располагал особыми возможностями узнать тебя как следует. Твоя мамаша вышвырнула меня из дома меньше чем через полчаса после крещения, и с тех пор ни ее, ни Патрика я практически не видел.

– А я всегда очень гордилась вами. Издали.

– Гордилась?

– Мы проходили в школе два ваших стихотворения. И никто не верил, что вы – мой крестный отец.

– Черт подери, тебе следовало написать мне. Я бы приехал и потрепался перед шестым классом.

Истинная правда. Ничто не способно внушить мужчине такого чувства собственной желанности, как полураскрытые губы с обожанием вззирающих на него старшекласшниц. Зачем же еще хоть кто-нибудь полез бы в поэты?

Джейн пожала плечами и отхлебнула бурбона. Я заметил, что она дрожит. Возможно, то была не дрожь, а трепет. Что-то в ее облике напоминало мне о былых временах. Наклоненное вперед, словно ей хотелось пописать, тело, ноги, подергивающиеся вверх-вниз на подпорке высокого табурета. Что-то такое... образы деревянных сушилок для посуды, чая «Дивиденд» и остроконечных бюстгалтеров... что-то давно забытое.

¹⁶ Бессменный пресс-секретарь Маргарет Тэтчер во все 11 лет ее пребывания на посту премьер-министра Великобритании.

Я взглянул на нее еще раз, и едва приметные признаки сошлись воедино, и я вспомнил все. Джейн выглядела точь-в-точь как выглядели в начале шестидесятых девушки, возвращавшиеся домой после аборта. Безошибочно узнаваемое сочетание жестов и гримасок, просто я такого уже много лет ни в одной девице не видел. Эта смесь стыда и вызова, отвращения и торжества; и настоятельный призыв в глазах, требовавших, чтобы ты не то поскорбел о безысходности загубленной жизни, не то, наоборот, восславил победу жизни, обретшей величественную свободу, – в общем, взгляд опасный. Я очень и очень помню, что если ты в те дни ошибался, истолковывая настроение девушки, и поздравлял ее, когда требовались утешения, то получал фонтан слез и две недели визгливых попреков; а если раздражался сочувственными утешениями, когда ей требовались овации и хвалы за гордую, независимую позицию, то тебе начищали рыло, сопровождая это занятие презрительным хохотом. Почему выражение, застывшее на лице вновь обретенной мною крестной дочери, непременно должно было погрузить мое сознание в атмосферу тех убогих и никакой тоски по себе не вызывающих времен, я и понятия не имел. Женщинам лет уж тридцать как нет нужды напускать на себя вид ранимый и виноватый – теперь это мужская привилегия.

Я кашлянул.

– И что за стихотворения?

– М-м?

– Вы проходили в школе. Которые?

– А, дайте-ка вспомнить. «Историк» и «Строки о лице У. Х. Одена».

– Ну разумеется. А как же. Только эти два в антологии и попали. Расфуфыренный хлам.

– Вы действительно так думаете?

– Нет, конечно, но ты ведь ждала, что я скажу именно это.

Джейн наградила меня печальной улыбкой.

– Еще раз того же, Родди! – Я постучал по стойке.

– Я часто читаю ваши театральные рецензии, – поспешила сказать она, видимо сообразив, что улыбка вышла чересчур сочувственная.

– Теперь уж больше не считаешь.

И я рассказал ей об увольнении.

– О, – сказала она и повторила: – О!

– Да мне, в общем-то, наплевать, – заверил я ее тоном, не допускающим никаких соболезнований. И принялся разглагольствовать о нынешнем состоянии британского театра, хоть она меня и не слушала.

– Значит, у вас теперь много свободного времени? – спросила она, когда я иссяк.

– Ну... не уверен. Существует более-менее сохранившее силу предложение вести ресторанный колонку в «Метро»...

– Понимаете, я не писательница и недостаточно разбираюсь...

– ...кроме того, всегда найдется издатель для очередной бесповоротно закрывающей тему книги о «сердитых молодых людях»...¹⁷

– ...в конце концов, вы, по сути дела, все-таки член семьи...

Я умолк. На нижних веках Джейн уже скопились слезы.

– В чем дело, дорогая моя?

– Послушайте, вы не могли бы поехать сейчас ко мне?

В машине Джейн не проронила ни слова о том, что ее терзало. Лишь набросала краткую автобиографию, достаточную, чтобы показать мне, что она совсем не такая умная, симпатичная, стильная или интересная, какой казалась в баре. Хотя, с другой стороны, то же самое можно сказать о каждом из нас, что и доказывает значение косметики и виски. Пять лет назад,

¹⁷ Литературное течение пятидесятых годов.

когда ей только-только исполнился двадцать один год, она вышла замуж за Суонна, торговца картинами. Детей нет. Суонн в настоящее время в Цюрихе, делит ложе с швейцаркой, достаточно опустившейся и обладающей достаточно крепким телосложением (если верить стержовым инвективам Джейн), чтобы выдержать чреватые увечьями постельные обыкновения Суонна. Отца Джейн, Патрика, шесть лет назад прибрал Господь, мать, Ребекка, все еще болтается без дела между Кенсингтон и Бромптон-роуд,¹⁸ изображая светскую изысканность. Вторым ребенком Ребекки, братец Джейн, Гордон, – дерьмовый, сколько я его помню, малый – погиб в автомобильной катастрофе. Надо думать, залился до бровей. Что, вообще-то, похвально. Столкнуться с чужой машиной в трезвом виде – поступок непростительный.

Ребекка была одной из немногих когда-либо встреченных мной женщин, которые... нет, ну это же известно – женщины никакого удовольствия от секса не получают. Отрицание этого обстоятельства обратилось для них едва ли не в религию, и все-таки факт остается фактом. Женщины мирятся с сексом, как с платой, которую им приходится вносить за обладание мужчиной, за составную часть того, что они именуют «отношениями», однако преспокойно обходятся и без него. Они не испытывают голода, постоянного, пронзительного, сосущего голода, который терзает нас. Самое-то поганое состоит в том, что всякий раз, как я это говорю, меня обвиняют в женоненавистничестве. Человеку, который провел всю жизнь в помышлениях и грезах о женщинах, который гонялся за ними, совершенно как старающийся порадовать хозяина щенка, который выстроил все свое существование так, чтобы по возможности чаще встречаться с ними, который судит о собственной жизни и ценности по своей способности привлекать их внимание, – такому человеку довольно обидно слышать обвинения в том, что он-де ненавидит женский пол. Все, что я испытываю по отношению к женщинам, это величайшее преклонение, любовь плюс чувство собственной неполноценности, смешанное с изрядной долей давно вышедшего из моды отвращения к себе.

Да знаю я все ваши доводы, знаю... Господи, кто ж их не знает. Желание, говорят мне, это форма собственничества. Вожделеть женщину – значит низводить ее до уровня животного существа или охотничьей добычи. Даже преклонение перед нею, согласно рассуждениям до того уж дьявольски замысловатым, что мне ни разу не удалось проследить их от начала и до конца, надлежит истолковывать как род пренебрежения. Все это, о чем я мог бы вам и не говорить, охеренная ахинея.

Некоторые из моих лучших друзей – а чего же еще и ожидать от бывшего поэта? – предпочитают мужчин женщинам. То же относится – чего, опять-таки, следует ожидать от бывшего театрального критика – и к некоторым из моих злейших врагов. Самый чистый эксперимент, позволяющий разрешить вопрос об отношениях полов, можно поставить лишь в мире педерастии, не так ли? Гей-сексуалы, задомиты, педеристы – выбирайте название сами, – все, кто принимает проблему существования гомоненавистников, газет, вирусов, полиции и общества в первом, что называется, чтении, ведут совершенно баснословную жизнь. В сортирах, садах, на вересковых пустошах, пляжах, кладбищах, в супермаркетах, пабах, клубах и барах – повсюду звучит эта их музыка простого обмена эротической валюты. Мужчина, который с приветом, видит другого мужчину, который тоже. Их взгляды встречаются... хлоп, секс состоялся. Им не нужно знать имя партнера, не нужно разговаривать с оным, им даже не нужно, оказавшись с ним в задней комнате какого-нибудь темного ночного клуба нашей столицы, видеть его дурацкую рожу. Это мужской мир, устроенный на самых что ни на есть мужских началах, в соответствии с приемами и потребностями исключительно мужской сексуальности. По-вашему, все эти здоровенные, заросшие волосом гомосеки, что позируют для журналов – с кожаными ошейниками на елдаках и резиновыми палками в калопроходах, – почитают себя угнетенными существами? Или вы полагаете, будто геи, торгующие своим телом в ночных клубах, только и

¹⁸ На улицах Кенсингтон-Хай-стрит и Бромптон-роуд расположены самые феенебельные магазины Лондона.

знают, что пенять на половую дискриминацию, которая вынуждает их демонстрировать свои прелести людям, осматривающим их, точно скот? Да черта лысого.

По временам мне грезится мир, в котором женщины испытывают удовольствие от секса. Мир, в парках и на променадах которого отведены особые места, где можно прогуливаться, выбирая себе мужика, мир гетеросексуальных баров с гетеросексуальными задними комнатами, гетеросексуальных кинотеатров, гетеросексуальных городских кварталов, по которым женщины бродят в надежде на случайное эротическое приключение – с непременно участием мужчины. Такие картины могут являться воображению только в спальне безудержного фантазера, да и там-то их судорожно порождают на свет лишь озлобленно сжатый кулак да несколько припадочных всхрюков. Если бы женщины нуждались в сексе так же, как нуждаются в нем мужчины, тогда – пригнись, Тед, пригнись и бегом в укрытие, – тогда вокруг не слонялось бы столько насильников.

Мир, в котором мы обитаем, таков, каков он есть, и уж конечно в нем всегда найдутся антропологи и зоологи, которые станут твердить, что такова-де биологическая необходимость: один пол должен вечно испытывать голод, а другой – главным образом скуку. В конце концов, у мужчин есть чем компенсировать свою агонию бесконечно неисполняемых желаний. Так или этак, но именно мы правим миром, руководим экономикой и нелепо бахвалимся собственной значимостью. Да я, вообще-то говоря, и не жалеюсь. Я всего лишь хочу, чтобы люди поняли и приняли простую истину: мужчинам секс нравится, женщинам нет. Сей факт надлежит признать и без страха уставиться ему в лицо.

Неизменное отрицание женщинами этой самоочевидности ничего тут не меняет. Всякий раз, как я указываю на нее моим приятельницам, они немедля принимают ее опровергать, уверяя, что добрый анонимный перепих – это полный балдеж; что вот только два дня назад им попался на глаза мужик с задом почти как у Мэла Гиббсона и, ну правда, все у них там намокло. Только два дня назад? У как насчет всего-навсего двух минут? Как насчет каждой распроклятой распрепоганой минуты каждого распрепоганого распроклятого дня? Или они не понимают, что им, женщинам, давно уж пора откупорить шампанское и отпраздновать то восхитительное обстоятельство, что они не такие слюнявые псы, как мы, мужчины, что им выпала биологическая удача, позволяющая оставаться разумными существами, способными думать о благе, которое может принести партнерство с мужчиной, способными думать о материнстве, работе, друзьях... способными просто-напросто думать, в отличие от нас, несчастных ублюдков, тратящих целые дни, кои мы могли бы посвятить труду и возвышенным помыслам, на то, чтобы пристраивать ноющий, разбухший конец под резинку трусов всякий раз, как мимо нас проследует пара титек? Конечно, и у женщин возникает время от времени этакий зудик, иначе бы мы как раса не существовали; конечно, женщины обладают половой оснасткой, достаточно чувствительной, чтобы секс, когда они до него снисходят, порождал корчи удовольствия, вскрики наслаждения и всю последующую слякоть. И все же они, везучие, везучие, везучие существа, никогда не бывают голодными, никогда – доведенными до отчаяния, никогда – изнывающими от желания упиться наслаждением. Я что хочу сказать, вот я пишу это в шестом часу вечера, а между тем я уже дважды сам себя обслужил. Первый раз под душем, а второй – после завтрака, перед тем как усесться за писанину. И любая правдивая давалка скажет вам – сочувственно, точно добрая нянюшка, – что мужчинам, бедняжкам, просто необходимо изливать куда-то их семя. А уж по какой причине женщины претендуют на паритет в делах столь великой важности, это, знаете ли, выше моего разумения.

Ремесло мое таково, что мне приходилось встречаться со множеством знаменитых людей, людей отменной репутации. И что же, все, кого я знал настолько близко, чтобы просиживать с ними за бутылкой виски до самых предрассветных часов, все без исключения признавались мне, что подлинное побудительное начало, которое толкало их к тому, чтобы стать знаменитыми артистами, политиками, писателями, да кем угодно, составляла глубоко коренившаяся

в них надежда, что деньги, слава и власть позволят им валять баб с куда большей легкостью. Виски умеет пробивать наслоения, под коими кроется простая истина: честолобивая жажда успеха, желание усовершенствовать мир, потребность в самовыражении, призывание к служению отечеству... все эти достойные и почти правдоподобные мотивы прикрывают один голозадый факт: когда вы докапываетесь до самой глубины, выясняется – все, чего вы на самом деле желаете, это засунуть какой-нибудь бабе поглубже.

Ту т я в долгу перед виски. Это не тот напиток, к которому привержены многие из знакомых мне женщин, и все-таки виски меня спасло. Без него я был бы куда более запутавшимся и бестолковым старым мудаком, чем теперь. Кабы не те омытые скотчем ночи, мне так и пришлось бы тащиться по жизни в уверенности, что я – человек на редкость нечистый и на редкость опасный. Крах многообещающей карьеры, случавшиеся время от времени стычки с полицией и парочка разрушенных браков – это плата за то, что виски позволило мне понять: я не одинок. Чертовски честная сделка.

Впрочем... хватит об этом. Я что-то увлекся. Если вам нужны идущие нарасхват теории по поводу полов и прочего, зайдите в любой книжный магазин – и вы увидите целые полки, забитые книгами, только им и посвященными. «Мужчины наносят ответный удар», «Женщины наносят ответный удар мужчинам, нанесшим ответный удар» – реакции на реакции и контрреакции; совершенно как в дни холодной войны, когда анализировалась каждая публикация противной стороны, каждый напечатанный ею плакат, когда фиксировался каждый вздрог паутины и сосредоточенно изучался каждый культурный сдвиг. Видит бог, обозревателей, комментаторов по вопросам культуры и ученых недоучек, благодаря которым индустрия Войны Полов продолжает постоянно вооружаться и перевооружаться, у нас предостаточно. Да и в конце-то концов, кому, на хрен, какое дело до того, что имеет сказать по тому или иному поводу толпа малообразованных писак?

Нет, я испустил все эти нездоровые ветры не потому, что в них присутствует нечто новое или важное, не потому, что хочу затеять бесплодный спор, но лишь для того, чтобы вы поняли, каковы были мое настроение и расположение духа в день, когда Джейн отыскала меня и поволокла в Кенсингтон. Ее мамаша, Ребекка, о чем я совсем уж собрался сказать перед тем, как вскочил на любимого конька и проскакал на нем несколько абзацев, была, возможно, единственной из когда-либо встреченных мною женщин, испытывавшей и удовольствие от секса, и потребность в нем, сравнимую с потребностями мужчины. Она была также единственной из знакомых мне женщин, предпочитавшей виски всем прочим напиткам. Возможно, тут присутствует некая связь.

Дом Джейн оказался совсем неподалеку от Онслоу-Гарденз.¹⁹ Деньжата у нее водились, в этом сомневаться не приходилось – как и в том, что благодарить за них следовало ее дядю Майкла, – и, подобно каждой богатой, невежественной девице нашего времени, она воображала себя художницей по интерьерам.

– Многие из тех, кто увидел, во что я превратила мою квартиру, – сказала она, когда такси остановилось у обычного для Южного Кенсингтона портика с белыми колоннами, – просили меня помочь им оформить их собственные.

Интерьер оправдал самые похабные мои ожидания. Нечто кошмарное, с фестонами и воланами вместо штор и шелком-сырцом вместо обоев, – всю остальную бутафорскую жуть вы, я уверен, способны представить себе самостоятельно. Варварское уродство, во весь голос орущее о попусту потраченной жизни. Какой же, на хер, бездельницей нужно быть, дивился я, до чего исчахнуть от скуки, чтобы сесть и навыдумывать все это напыщенное барахло? Джейн, чуть приподняв брови, стояла посреди гостиной и ожидала, когда я забулькаю от восторга. Я набрал побольше воздуха в грудь.

¹⁹ Парк в Южном Кенсингтоне.

– Это одна из самых омерзительных гостиных, в какие мне доводилось попадать за всю мою жизнь. Точно такого уродства я и ожидал, она в точности так же уродлива, как десять тысяч других гостиных, до которых добьют отсюда струя мочи. Это оскорбляющий зрение уподобный коктейль из дорогих клише, за пределами Беверли-Хиллс такого почти и не сыщешь. Да я скорее собачью какашку съем, чем опущу мою задницу на эту софу с ее нелепо разномастными, кричащими подушками. Прими мои поздравления – тебе удалось образцовым способом пустить на ветер твое недешевое образование, кучу денег и всю твою горестную жизнь. Всего хорошего.

Вот что я сказал бы, будь у меня в животе на два пальца виски больше. А так удалось лишь проблеять:

– Боже мой, Джейн...

– Вам нравится?

– «Нравится» – не то слово... это, это...

– Многие говорили мне, что у меня хороший глаз, – призналась она. – На прошлой неделе здесь были фотографии из «Домов и интерьеров».

– Вот уж в чем не сомневаюсь, – сказал я.

– Видели бы вы эту квартиру, когда я в нее въехала.

– Какое чувство пространства и света, – со вздохом вымолвил я. На редкость безопасная фраза.

– Мужчины такие вещи обычно не воспринимают, – одобительно сообщила она, подвигаясь к столику, на котором стояли бутылки.

«Отскребись от меня, сумасшедшая, жалкая сучка», – сказал я – мысленно, – между тем как мои трусливо разведенные в стороны руки говорили совсем другое: «Такое мастерское, исполненное вкуса сочетание этнического и своего, родного, способно свалить с ног даже мужчину».

– Вы, я заметила, пили «Макаллан», – между тем говорила она. – У меня есть и «Лафройг»,²⁰ если хотите.

– Н-нет, сойдет и «Макаллан».

Она принесла и то и другое и уселась, подобрав под себя ноги, на оттоманку, идиотическое покрывало которой было скопировано, полагаю, с какого-нибудь погребального покрывала индейцев майя или с мистического менструального облачения аборигенов острова Бали. Величественная идея, крившаяся за этим убогим эпизодом культурологического изнасилования, как и за прочими равно немощными, равно наглыми потугами самомнения, засорявшими эту жуткую комнату, заключалась, надо думать, в том, что Джейн станет восседать здесь в окружении друзей, разнообразие питейных привычек коих оправдывает смехотворное изобилие неоткупоренных бутылок с винами, аперитивами и напитками покрепче, а между тем слова учтивых, но исполненных глубокого смысла бесед будут витать вокруг нее наподобие бадминтонных воланов. Теперь же, взамен всего этого, она, все еще трепещущая, точно юная девушка, сидела в обществе потасканного, конченного человека, когда-то знавшего ее родителей. А он, при всех окружающих его галлонах дармового виски, желал лишь одного – оказаться подальше отсюда.

Джейн покрывала свою стопочку, винтом завивая виски.

– Первое, что вам следует знать обо мне, – сказала она наконец, – это что я умираю.

О, роскошно. Идеально. Само совершенство.

– Джейн...

– Простите. – Она дрожащей рукой выдернула из пачки сигарету и закурила. – Вообще-то зря я так сразу.

²⁰ «Макаллан» и «Лафройг» – дорогие сорта шотландского солодового виски.

Чертовски верно. Никто, похоже, не понимает, что в подобных случаях проявлять такт и сочувствие обязан как раз тот, кому вот-вот предстоит отдать концы, а не несчастный сукин сын, на которого обрушивают подобную новость. Хотя, с другой стороны, она обратилась по правильному адресу. Я видел достаточно смертей, чтобы не привередничать по поводу формы, которую они принимают.

– Ты совершенно уверена?

– Да. Врачи единогодушны. Лейкемия. Положенное число ремиссий я уже выбрала.

– Какая гадость, Джейн. Мне так жаль.

– Спасибо.

– Боишься?

– Теперь уже нет.

– Я так понимаю, сказать, когда именно упадет на тебя этот топор, довольно сложно?

– Говорят, что скоро... в ближайшие три месяца.

– Ну что же, милая. Если ты помирилась с врагами и попрощалась с друзьями, не стоит жалеть, что тебе приходится слишком рано покидать вечеринку. Это гнусный мир и гнусный век, и довольно скоро мы все присоединимся к тебе.

Она слабо улыбнулась:

– Наверное, к этому можно относиться и так.

– Только так и можно.

Теперь, когда она все мне сказала, я, разумеется, ясно увидел все признаки страшной болезни.

Блестящие глаза, натянутая и бледная кожа. Туда же можно было отнести и худобу, которую я принял за следствие псевдоанорексии богатой девицы.

Джейн откинулась на подушки оттоманки, выпустила из легких дым. А вот это она уже рисуется, подумал я. Сей театральный выдох должен был, по-видимому, продемонстрировать зрелость и мудрость, которыми наделил ее смертный приговор, сообщивший ей «широкий взгляд на вещи» и сделавший странно свободной.

– Я сказала, что не боюсь, – произнесла она, – и это правда. Но поначалу боялась. Просто билась в истерику. Скажите...

– Я слушаю.

– Понимаете, я не знаю, как к этому подступиться. Что вы думаете... что вы думаете о священнослужителях?

Я так и сел – внутренне. Ну вот, поехали, подумал я. Что поехали, то поехали. Если не священнослужители, так эфирные масла; не эфирные масла, так иглы; не иглы, так травы; а уж если не травы, так сквозистые камушки и астральные покровы.

– О священнослужителях... – промямлил я. – Ты имеешь в виду католических или англиканских?

– Я не знаю. Вы, наверное, атеист?

– Вообще говоря, да, хоть и мне случается оступаться. Я стараюсь не думать об этом. А что, над тобой уже кружит всякая сволочь в сутанах? Сражаясь за право пожрать твою душу?

– Нет-нет... дело не в этом. О господи...

Она встала, прошла по комнате, – я сидел, зажав в кулаке виски, и ждал. Я размышлял о жизни ресторанный критика, гадая, уцелело ли во мне семя, из которого могут произрасти запоздалые цветы поэзии, и с нетерпимостью здорового человека думал о том, что если бы я заболел лейкемией, то долго бы с собой не церемонился. Соберись с силами и уходи, женщина, говорил я про себя. Если ты не способна наплевать на несколько белых кровяных тельц, так что ты вообще собой представляешь?

Наконец Джейн, похоже решившись, повернулась ко мне.

– Дело в том, – сказала она, – что со мной произошло нечто странное. В моей семье. Я этого не понимаю, но, думаю, вас это может заинтересовать. Как писателя.

– Да-а?

Каждый раз, как кто-то произносит: «Вам, как писателю, это покажется совершенно очаровательным», я готовлюсь к чему-то сокрушительно скучному и ошеломительно банальному. Да и какой я, к черту, писатель? Она просто пытается подольститься ко мне, завоевать мою благосклонность.

– Я подумала, что раз вы сейчас... ну... не заняты, то могли бы помочь мне. Произвести что-то вроде расследования.

– Дорогая моя, я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Я отродясь никакими журналистскими расследованиями не занимался. Да меня, собственно, и журналистом-то назвать нельзя. Не знаю, какая тебе может быть польза от несостоявшегося поэта, несостоявшегося романиста, несостоявшегося театрального критика и лишь с большими оговорками преуспевшего неудачника.

– Ну, вы хорошо знаете людей, о которых идет речь, и, понимаете...

– Пфф! – я поднял вверх руку. – Джейн. Дорогая моя. Мой ангел. Малышка. Когда-то, давным-давно, еще юными и счастливыми, мы с твоей матушкой старались это обстоятельство по возможности не афишировать. Только и всего. Я не видел ее целую вечность. Она сказала мне «прости» двадцать с чем-то лет назад, запустив в меня на прощанье крестильным тортом и осыпав бешеной бранью.

– Да я не о маме говорю. Я о ее брате.

– О Логане? Ты говоришь о Логане? Иисус изнуренный затраханый, женщина... – Я прибавил бы к этому и еще кое-что, но на меня напал кашель, в последнее время со мной такое случается. Начинается он с легкого першения в горле, а завершается, хоть мне и не хочется хвастаться, представлением весьма впечатляющим. Чем-то средним между блюющим ослом и взрывом на горчичной фабрике. Джейн с сочувствием наблюдала, как я давлюсь и хриплю, приводя себя в относительный порядок.

– Вы его знаете, – повторила она, – знаете лучше, чем кто бы то ни было. И, не забывайте, Дэвиду вы тоже приходиться крестным отцом.

– Ну да, – пропыхтел я, отирая слезы со щек, – я, собственно говоря, и не забыл. Вот только на прошлой неделе послал ему подарок ко дню конфирмации. И получил в ответ премиленькое спасибо.

– Премиленькое?

– Пре... ладно, проехали.

Никто больше не способен нормально говорить по-английски.

– Значит, о конфирмации Дэвида вы вспомнили, а о моей нет.

Господи, ну что за плаксивая зануда.

– Я же тебе говорю, – терпеливо принялся объяснять я, – твоя мамаша не желает иметь со мной ничего общего. Я виделся с ней в Суэффорде года три-четыре назад и сразу понял, что она меня так и не простила. Не то что твой дядя Майкл, вот он большой души человек.

– И с немалым банковским счетом.

На это не стоило и отвечать. Да, правильно, я высоко ценю дружбу Майкла, а его сестру Ребекку не ставлю ни в грош, но мне хочется верить, что дело тут не только в деньгах. Хотя с другой стороны, мне хочется верить также, что мир почитает поэтов, что в один прекрасный день все войны закончатся, а каждого, кто лезет на экран телевизора, укукошит фатальный вирус. Между тем, во что мне хочется верить, и суровой истинной правдой жизни пролегает адская бездна.

– Я не хотела бы, чтобы вы воспринимали это как заказную работу. Я не так уж и богата...

Нет, ну конечно, куда там! Ты же просадила все деньги, покупая флакончики «Лаликю»,²¹ перуанские родильные свивальники и намибийские лобковые украшения, корова ты бессмысленная.

– ...но я могла бы предложить вам сто тысяч сейчас, а остальное... либо потом, либо по завещанию.

– Сто тысяч? – Я вдруг заметил собственное отражение в изысканно, исписканно тусклом зеркале над камином. Совершенная барабулька – пасть раззявлена, глаза выпучены, рожа багровая и очень, ну очень жадная.

– Всего четверть миллиона.

– Четверть миллиона?

– Да.

– Это не в *лирах*, надеюсь? Ну, то есть ты о фунтах стерлингов говоришь?

Она с серьезным видом кивнула.

– Джейн... Я не... Четверть миллиона – это огромные деньги, и для меня, не стану отрицать, они выглядят чудовищно привлекательными. Но я не знаю, что во мне есть такого, чтобы я мог, говоря откровенно, сделать для кого-нибудь что-либо, стоящее хотя бы десятой части этой суммы.

– Вам придется проделать большую работу, – сказала Джейн.

По тому, как Джейн поджимала губы, я видел – говори с ней, не говори, она не передумает. Джейн приняла решение – это было написано на ее лице.

– И проделать ее быстро. Что бы вы ни обнаружили, я должна узнать об этом еще до того, как умру. Если, конечно, это случится.

– Э-э... если случится что?

– Если я умру.

– Если ты умрешь?

– Если умру.

Теперь мы с ней разговаривали, как парочка упившихся нигерийцев.

– Но ты же сказала...

– Нет, это сказали *врачи*, они сказали, что мне предстоит умереть. Я им не верю. В том-то и дело.

Так, все ясно. Если она все-таки выдаст мне чек, он, скорее всего, будет подписан именем «Джессика Раббит»²² или «Л. Рон Хаббард».²³

– Понимаете, я верю, что была спасена.

– Ага. Правильно. Спасена. Да. Отлично.

Она поднялась и, сложив уста в улыбку неизлечимо повредившегося умом человека, направилась к лакированному бюро.

– Я знаю, *что* вы думаете, но это неверно. Сами увидите. – Джейн извлекла из бюро чековую книжку и начала выписывать чек. – Вот! – Она оторвала листок и помахала им в воздухе, чтобы сей стег чистосердечных намерений подсох, овеваемый ветерком.

– Послушай... – с трудом выдавил я. – Джейн. Скажу тебе со всей честностью или хотя бы с той малостью, какая у меня от нее сохранилась. Я не возьму твоих денег. Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, я сомневаюсь, что способен это сделать, а кроме того, ты, мягко говоря, не в своем уме – и уж это точно, как в аптеке. Тебе следует повидаться... с кем-то.

²¹ Дорогие французские духи.

²² Персонаж фильма «Кто подставил Кролика Роджера», женщина-вамп.

²³ Рон Хаббард (1911–1986) – американский философ и писатель, создатель «дианетики» и «сайентологии».

Кого я имел в виду, с уверенностью сказать не могу. Наверное, врача, психиатра, священника. Пустословное ханжество со стороны человека, который не верит во все это дерьмо, но какого еще черта я мог ей сказать?

– Я хочу, чтобы вы отправились в Суэффорд. Скажете моим родственникам, что собираетесь написать биографию дяди Майкла. – Она протянула мне чек. – Вы, может быть, единственный человек на свете, которому он это позволит.

На моих коленях лежал должным образом подписанный и датированный чек на сто тысяч фунтов. У моего банка есть отделение неподалеку от станции подземки «Южный Кен». На то, чтобы добраться туда от дома Джейн и заполнить бланк депозита, уйдет не больше десяти минут.

– Существуют, – сказал я, – профессиональные писатели, которые соорудят для тебя историю семьи за малую часть этой суммы. Престижная публикация, так это у них называется.

– Вы не поняли, – сказала она. – Вам не придется писать историю семьи, вы должны будете докладывать мне о феномене.

– Феномене, – сердито буркнул я.

– Вы станете свидетелем чуда.

– Чуда. Понятно. И что это за чудо такое?

Джейн помолчала.

– Я хочу, чтобы вы поехали в Суэффорд и присылали мне оттуда отчеты. Пишите каждый день. Мне нужно знать, заметите ли вы что-нибудь. Вы думаете, я сошла с ума, но я знаю, что если вы будете там и если там есть что увидеть, вы это увидите.

Я вышел из ее дома и потопал по Бромптон-роуд, размышляя так напряженно, что от головы моей валил, полагаю, пар, как от мокрого зеркала в солнечный день. Джейн спятила, это понятно, но в чеке ее никаких признаков сумасшествия не наблюдалось. Вопрос состоял теперь в том, как напроситься на приглашение в Суэффорд. А также в том, сколько придется за эти деньги поработать. И наконец, в том, что это будет за работа. Чертова дура так и не сказала, что я, собственно, должен там увидеть. Дай она мне хоть малейший намек, можно было б в крайнем случае подкрепить ее иллюзии, притворившись, будто я их разделяю. Но в чем они состояли, иллюзии-то? Последнее мое посещение Суэффорда было довольно забавным, однако никаких особых чудес я там не приметил.

Глава вторая

I

Лорд Логан опустился между сыновьями на колени и указал на башню. Дэвид задрал голову. Сквозь ночной туман проглядывал расцветенный заново – золото на синем фоне – циферблат часов.

– Как здорово, пап, – сказал Саймон. – А золото настоящее?

Лорд Логан рассмеялся:

– Позолота.

– А в гостиной настоящее. Ты сам говорил.

– В гостиной – да, настоящее.

– И в Китайской комнате, пап. И в часовне.

– Золотая фольга.

– Золотая фольга, – с удовлетворением повторил Саймон. – Декораторы показывали мне ту книжку. Каждая страница из чистого золота.

Дэвид прищурился. Электрический свет обращал туман вокруг циферблата в желтоватый шар, висевший над конным двором.

– Ну так, – сказал лорд Логан. – Который теперь час?

– Ой, – отозвался Саймон, прикрывая ладонями уши.

Дэвид еще раз взглянул на часы и увидел, что времени – примерно без полминуты десять. Он начал мысленно отсчитывать секунды.

Лорд Логан притянул к себе мальчиков и прищелкнул языком. Одна его ладонь ощущала тепло ладони Дэвида, другая – прохладу Саймоновой.

Дэвид ждал скрипучего жужжания, которым предвещался перезвон курантов. Один из гунтеров бил в своем стойле копытом, из расположенной неподалеку псарни доносился скулеж щенков бигля.

Часы молчали. Все трое стояли не прямо напротив них, и Дэвид решил, что с этого места минутная стрелка кажется ушедшей дальше, чем оно есть на самом деле. Он начал заново отсчитывать секунды – от десяти назад. Саймон как-то сказал ему, что если вставлять между каждым двумя цифрами слово «аллигатор», отсчет получится точным.

«Десять аллигатор, девять аллигатор, восемь аллигатор, семь аллигатор, шесть аллигатор...» – произносил он про себя.

Саймон отнял ладони от ушей.

– Пап! – неодобрительно сказал он. С «папочки» на «пап» он перешел только в эти каникулы и потому старался использовать новое слово как можно чаще.

– Видишь? – лорд Логан почти припрыгнул от удовольствия.

Теперь уж нечего было и сомневаться: под каким углом на часы ни гляди, времени – целая минута десятого.

– А мне так нравился их звон, – сказал Саймон.

– Да нет, ты не понял. Мы поставили регулятор. Днем они бьют по-прежнему, а как только стемнеет, умолкают.

– Блеск! Просто блеск, пап!

– Что-то надо же было сделать. Они что ни час будили двойняшек.

– Да знаю, пап, – сказал Саймон. – Ты разве забыл, моя комната в том же коридоре.

– Ну да. – Лорд Логан поднялся и тыльной стороной ладони отряхнул колени. – Но это уже другая история. Давай, Дэвид, ты еще не такой большой... хоп!

Дэвид запрыгнул отцу на плечи, и все трое направились к дому.

– Раз тебе теперь тринадцать лет, Саймон, пора переселить тебя из детской в порядочную спальню, как ты считаешь?

– Вот здорово! – воскликнул Саймон.

– То есть, разумеется, если ты намереваешься участвовать в рождественской охоте.

– Папочка! – От восторга Саймон даже наподдал ногой по гравию. – Здорово, здорово, здорово!

Лорд Логан слегка подбросил Дэвида, поудобнее устраивая его на плечах.

– Уф! Староват я уже для этого, Дэви.

Но Дэвид знал, что, хоть ему скоро и будет двенадцать, для своих лет он легок и малоросл и отец может преспокойно протащить его целых пять миль.

Две недели спустя Дэвид лежал в своей кровати и глядел в потолок – как и в прошлую ночь. Прошлой ночью был канун Рождества, когда никто из детей не спит, стараясь застучать родителей. Правда, Саймон сказал, что сам лорд Логан этими делами заниматься не будет.

– Попросит Подмора переодеться и разнести их по нашим комнатам.

– Нет, спорим, папа сам все сделает. Знаешь ведь, он это любит.

Впрочем, Дэвиду не удалось вчера прободрствовать так долго, чтобы установить, кто из них прав. Зато уж сегодня он точно не заснет. Это абсолютно необходимо.

На столике у кровати тикал новенький будильник, рождественский подарок тети Ребекки.

Половина второго.

Самое главное – не разбудить близнецов. Им чуть больше года, и после того, как умолкли часы над конюшнями, они, по словам нянюшки, стали спать как убитые. И все-таки никогда ведь не знаешь, чего от них ожидать. Могут и разораться. Дэвид, чтобы как следует измотать близнецов, провел этим вечером целый час у их кроваток. Он рисовал им мелками картинки, корчил рожи, пел песенки и отплясывал, дурак дураком, по их комнате, пока не пришло время нести близнецов к родителям – прощаться на ночь.

– Какие-то они горяченькие, Шейла.

– Да, леди Энн. Это их Дэвид разгулял.

– Дэви?

– Я просто читал им, мам.

– А. С чего это вдруг? Ну ладно, по крайней мере спать будут крепко. Правда, дорогие мои? Спокойной ночи, Эдвард. Спокойной ночи, Джеймс.

Без четверти два.

Дэвид встал и натянул прямо поверх пижамных штанов другие, из коричневого вельвета. Надел школьный спортивный свитер, темно-синий, с высоким воротником, добавил к нему шерстяную шапочку и черные парусиновые туфли, тоже школьные.

Взглянув на себя в зеркало, он подумал: может, вымазать лицо сапожным кремом? Нет, не стоит. Вдруг крем завтра утром не смоется и все увидят его следы на лице, это будет просто катастрофа.

Два часа.

Он выглянул в окно. Пока сухо. Ясная в общем-то ночь, почти без тумана. А это значит – крепкий морозец и никаких следов на земле. Бог на его стороне. Бог и Природа.

Дэвид вернулся к кровати, стянул с подушки наволочку, аккуратно сложил ее и сунул под свитер, старательно заправив под пижамные штаны.

После чего открыл дверь и на цыпочках двинулся по коридору.

Дверь напротив, ведущая в спальню близнецов, была приоткрыта, двадцативаттная лампочка ночника изливала в коридор желтоватый свет. Дэвид слышал, как близнецы в унисон посапывают во сне.

Дверь прежней комнаты Саймона Дэвид миновал, держась поближе к стене, чтобы не наступить на расшатавшуюся доску в середине коридора. Из взрослых поблизости спала только нянюшка, но она обладала способностью просыпаться при малейшем шуме, поэтому идти следовало с великой осторожностью.

Дэвид медленно продвигался вдоль стены к двери в главную часть дома. Днем он мог лупить мячом о стену, хлопать дверцами буфетов, орать и визжать в детском крыле, и никто бы его не услышал, однако ночью малейший звук обращается в дикий шум. Стены, ковер, потолок, отопительные трубы – все двигалось, пощелкивало и погуживало, точно части единого механизма.

Он открыл дверь. Легкий запах сигарного дыма донесся до него, слышалось важное тиканье напольных часов. Перед Дэвидом простирался северный коридор, на другом конце которого находилась лестница. Он тихонько притворил за собой дверь и начал семимильными шагами красться по коридору. Сколько гостей сейчас в доме, Дэвид точно не помнил, вроде бы человек двенадцать – и еще десять-одиннадцать приедут завтра, чтобы участвовать в охоте. Для полной уверенности в успехе продвигаться мимо спален следовало так, словно за каждой дверью чутко спит человек.

Теперь Дэвид шел по середине коридора, поскольку знал, что вдоль стен стоят горки и столики с фарфором, серебром и стеклом, – налетишь на такой, шуму не оберешься.

Он уже прошел половину коридора и начал различать впереди мраморное мерцание лестницы, когда внезапно раздавшийся звук заставил его остановиться. Желтая полоска света появилась под дверью, мимо которой он проходил, – дверью в комнату Хобхауса.²⁴ Замерев на одной ноге – рот открыт, кровь гудит в ушах, – Дэвид прислушался. И уловил шелковый шелест надеваемого халата.

С внезапным испугом Дэвид сообразил, что в комнате Хобхауса нет уборной. В панике он проскочил остаток коридора и, остановившись в самом конце, вжался за напольными часами в стену. Он старался дышать как можно тише, подлаживая вдохи и выдохи к размеренному уханью маятника, раскачивающегося внутри футляра.

Дверь комнаты Хобхауса отворилась. В коридоре послышались чьи-то шаги, все ближе и ближе к его укрытию.

Дэвид не мог понять, что происходит. Ему хотелось завопить: «Уборная в *другой* стороне!»

Шаги приближались. Дэвид затаил дыхание и крепко зажмурился. Вибрация часов пронизывала все его тело, каждое тиканье казалось ударом электрического тока.

Шаги замерли. «На меня смотрит, – подумал Дэвид. – Я даже его дыхание слышу».

Затем раздалось негромкое постукивание ногтями по дереву. По другую сторону часов находилась дверь в спальню – в комнату Лейтона,²⁵ где всегда останавливалась тетя Ребекка. Дэвид услышал ее шепот:

– Макс? Это ты?

Мужской голос, хриплый и раздраженный, ответил совсем близко от Дэвида:

– Впусти меня, тут дьявольски холодно.

Дверь открылась и снова закрылась.

²⁴ Барон лорд Джон Кэм Хобхаус (1786–1869) – английский литератор и политический деятель, близкий друг Байрона.

²⁵ Барон лорд Фредерик Лейтон (1830–1896) – исторический живописец, пользовавшийся в Викторианскую эпоху большой популярностью.

Дэвид ждал. Из комнаты Лейтона доносился смех, еще какие-то звуки. Он знал, что тетя Ребекка падка до всяких игр, и потому решил рискнуть – в надежде, что она и этот мужчина, Макс, на какое-то время останутся в комнате. Он глубоко вздохнул, вышел из-за часов и направился к лестнице.

Маршрут его был скрупулезно спланирован и довольно сложен. Сначала надо попасть в библиотеку, из нее в кухню, оттуда выбраться через судомойню на конный двор и, наконец, возвратиться назад, опять-таки через кухню и библиотеку.

На лестнице было совсем темно. Дэвид снял туфли, опасаясь, что их резиновые подошвы будут повизгивать на мраморе. Он медленно спускался, нащупывая углы рам, в которых на стене висели картины. Вот и последняя, огромный Тьеполо,²⁶ Дэвид наизусть знал в нем каждый дюйм, – значит, осталась одна ступенька. Соступив с нее, он повернул налево и кратчайшим путем – через большой зал – направился к библиотеке.

В самой середине зала он вдруг налетел на что-то огромное, острое и щетинистое, охватившее его лапищами и ужалившее в лицо. Потрясение было так велико, ощущение, что он попал в лапы не то привидению, не до дикому зверю – потому что кто же еще это мог быть? – настолько сильно, что Дэвид невольно вскрикнул, вернее, коротко взвыл от боли и ужаса.

И, взыв, тут же понял, что столкнулся всего-навсего с рождественской елкой. Испытывая к себе отвращение за трусость, он выплюнул набившиеся в рот иголки, шагнул назад и прислушался. Наверху все было тихо – ни криков, ни сонного ропота, ни писка близнецов. Лишь тоненькое позвякивание игрушек на приходившей в себя после столкновения елке. Похоже, панический вопль прозвучал не так уж и громко. Мысленно воспроизведя его, Дэвид понял, что всего лишь хрипло ахнул, не более.

Осторожно обогнув елку, Дэвид вошел в библиотеку.

Запах сигарного дыма, стоявший там, был так силен, что у Дэвида закололо в корнях волосков на ногах. И до чего же здесь тепло. Неяркое оранжевое свечение в камине свидетельствовало, что огонь еще не погас совсем. Дэвид закрыл за собой дверь и нащупал выключатель.

Проморгавшись от ударившего в глаза света, он огляделся. Ставни закрыты, это хорошо. Это означает, что никакие длинные полосы света не упадут на Южную лужайку, где их сможет увидеть всякий, кто глянет в окно одной из спален.

На пятой полке, прямо за огромным письменным столом лорда Логана, аккуратным рядом стояли двенадцать старинных томов, озаглавленных «Крэбшоу: история графства Норфолк». Тома были переплетены в песочного цвета кожу с золотым тиснением.

Дэвид прошелся пальцем по их корешкам – ни дать ни взять, выбирающий себе чтение завсегдатай книжного магазина, – дошел до тома VI, вытащил его и положил на стол. Затем сунул в образовавшуюся щель руку, нащупал рычажок, с силой дернул за него и перепугался, услышав резкий звон освобождающей запор пружины. Днем этот механизм, казалось, всего лишь тихонько шептал.

Целая секция книжных полок повернулась вокруг оси, и Дэвид через потайную дверь проник в следующую комнату.

Здесь отыскать выключатель ему не удалось, пришлось обходиться светом, лившимся из библиотеки. Впрочем, Дэвид видел достаточно, а ощущал и того больше: головы лисы и оленя, глядевшие на него со стен, легкий запах ружейного масла, буханье еще одних напольных часов.

Он подошел к маленькому бюро, стоявшему у стены, между двумя ружейными шкафами. На бюро лежала большая пухлая книга в кожаном переплете, купленная на Бонд-стрит у «Смитсона».²⁷ «Книга охотной потехи» – так она называлась. Два года назад Саймон пода-

²⁶ Джованни Баттиста Тьеполо (1696–1770) – итальянский живописец венецианской школы.

²⁷ Компания, производящая дорогие канцелярские принадлежности. Ее магазин на Бонд-стрит, одной из главных торговых улиц Лондона, был открыт еще в 1887 г.

рил ее папе на Рождество. Дэвид помнил, с каким волнением просил разрешения заглянуть в нее, полагая, что это некое подобие Хойла²⁸ – энциклопедия или словарь, посвященный карточным играм и прочим увеселениям. Его ожидало разочарование – страницы книги оказались пустыми, всего лишь разбитыми на графы с заголовками «Дата», «Порода», «Ружья», «Сколько добыто» и так далее.

Прямо за книгой помещался маленький ящик. Дэвид выдвинул его и поворошил пальцем содержимое, пока не нашел – среди круглых резинок, блесен и квадратиков корпии – ключ, вокруг которого ладонь его сомкнулась удовлетворенно и крепко. Можно отправляться на кухню.

Снова пересекая зал, он осторожно обошел елку стороной. Теперь, когда Дэвид знал, что елка здесь, он, разумеется, совершенно ясно видел ее – стоит точно в карауле перед лестницей, похожая на огромного косматого медведя.

Дэвид открыл обитую красным сукном дверь и, вздрогнув от неожиданного дуновения теплого воздуха, направил стопы к кухне.

Лунный свет проливался через высокие полукруглые окна, играл на больших, накрытых крышками плетеных корзинах, уже приготовленных для многолюдного завтрака. Обойдя центральный стол, Дэвид присел в кресло у плиты и обулся. Локоть его коснулся вошеной бумаги, которая покрывала блюдо, стоявшее на столе. Отогнув уголок, Дэвид принялся: копченый окорок. Горло мальчика сразу же начало судорожно сжиматься. Он отвернулся, глубоко вдохнул – и все равно пришлось уткнуться лицом в стиб локтя, чтобы заглушить звук сухой рвоты. Спустя недолгое время Дэвид выпрямился и отер с глаз слезы.

Дверь в дальнем конце кухни вела к буфетным и судомойням. Дэвид прошел туда и включил свет.

В холодильной камере что-то негромко урчало, большой черный кот, вытягивая на ходу лапы, устремился к Дэвиду из дальнего конца коридора.

– Чш! – прошептал Дэвид.

Кот потерялся о его ноги и замурлыкал.

– Ну ладно, тогда пошли, – сказал Дэвид и направился к кладовке.

На второй полке размещались в строгом порядке сахар, мука, жестянки с содой, пакетики дрожжей, плиточки желатина, пряности, всякая всячина для украшения тортов, картонки с цукатами – все это в больших упаковочных коробках. Были здесь и салфетки для детских пикников, коробки с меренгами, мешочки с конфетти, сделанные из вошанки формочки для желе и жестянки с печеньем «Плейбокс». Дэвид вытащил из-под свитера наволочку и принялся наполнять ее. Он бросил коту кусочек засахаренной ангелики, кот понюхал его, перевернул лапой и с отвращением на мордочке удалился.

Когда все, что требовалось, оказалось в наволочке, Дэвид покинул кладовую, выключил в коридоре свет и вернулся в кухню.

Из нее он вышел через заднюю дверь, напоминая, с набитой наволочкой за плечом, Деда Мороза.

Дэвид шел в ночи, облачка пара вырывались у него изо рта и ноздрей. Он чувствовал себя счастливым, полным энергии и сил.

Флигель, к которому он направлялся, был некогда частью большой прачечной и располагался между конюшнями и коттеджем егеря. Саймон называл его «Флигель 33», имея в виду загонщиков и заряжающих.

Луна высоко стояла в звездном небе, свет ее серебристо сиял на двери флигеля, на железном висячем замке. Дэвид извлек из кармана ключ и отпер замок.

²⁸ Эдмонд Хойл (1671–1769) – первый английский автор, описавший правила карточных игр. Фраза «согласно Хойлу» давно уже означает полное соответствие принятым правилам.

Далеко, в рощах и перелесках, переступали с ноги на ногу спящие на ветках фазаны. Кролики неслись, спасаясь от тывкающих лис, совы падали на удирающих полевок, а во дворе черный кот, незаметно для Дэвида выскользнувший за ним из кухни, перебрасывал с лапы на лапу умирающую мышь.

Дэвид уселся, придавив своим весом крышку, на большой ящик с надписью «Элей».²⁹ Он оттянул на себя медный рычажок и, что-то негромко напевая, нажал на педаль.

²⁹ Английская компания, производящая охотничье и спортивное оружие.

II

Саймон вместе со своей спаниелихой Содой выпрыгнул из «рендровера» и оглядел толпу загонщиков, отыскивая брата. Дэвид стоял чуть в стороне от всех, поглаживая по голове лабрадора. Услышав свисток Генри, подручного егеря, пес повернулся и скачками понесся к уже готовой выступить группе подносчиков убитой дичи. Оставшийся в одиночестве Дэвидглянул в сторону Саймона. Саймон немедленно притворился, будто озирает небо и принохивается к ветру.

Перед ним простиралась просека – длинная аллея буков, дубов и ильмов. Саймон поднял ружье к плечу и прицелился в воздух над деревьями.

– Бах! – прошептал он. – Бах!

Огромная ладонь легла ему на плечо.

– Если хочешь ты к ловитве пристраститься с ранних лет, то запомни, как молитву, мой родительский совет: никогда не цель без дела...

Саймон подхватил стишок:

– ...В человеческое тело. Если изгородь какая попадется на пути, то, ее перелезая, ты оружие разряди.

Лорд Логан кивнул.

– Прости, пап, – сказал, переламывая ружье, Саймон. – Я просто... ну, ты понимаешь.

Отец улыбнулся и пожал плечами. Затем, заговорщицки оглянувшись, вытащил из кармана куртки плоскую серебряную фляжку.

– «Чивас Ригал»,³⁰ – сказал он. – Один глоток, не больше. И ни слова маме.

Виски обожгло Саймону горло, слезы выступили на глазах.

– Ух! Спасибо, пап.

Лорд Логан, завинчивая колпачок фляжки, опустил взгляд на собаку Саймона.

– Виски и Сода, – сказал он и подмигнул.

Саймон расхохотался. Он был сегодня единственным стрелком, при котором состояла собственная собака. Всем прочим оставалось полагаться на подносчиков. А Сода принадлежала Саймону, и приносить убитых им фазанов она будет лично ему.

– Восемь номеров, – прокричал Генри, – по двое на каждый!

Лорд Логан взглянул в сторону просеки, по которой уже растянулась цепочка охотников.

– Ты номер тянул? – спросил он.

Саймон отрицательно покачал головой.

– Отлично, – сказал отец. – И правильно сделал. Пусть этим стрелки постарше занимаются, верно? А тебя мы поставим за Конрадом.

У Саймона вытянулось лицо.

– Но я хочу впереди!

– Конрад стрелок никудышный. Так что все у тебя будет отлично.

И лорд Логан, поджав губы, соорудил на лице гримасу, которой он обычно реагировал на хныканье и нытье.

Саймон покраснел:

– Спасибо, пап.

– Вот и ладно. Тогда к бою.

Саймон приотстал от отца на несколько шагов – ему хотелось посмотреть, какое впечатление тот произведет на основную группу стрелков. Мужчины и женщины расступались, освобождая отцу дорогу, искоса, украдкой поглядывая в его сторону. И все улыбались. Саймон

³⁰ Сорт дорогого шотландского виски 12-летней выдержки.

знал, что многие из этих улыбок вызваны абсурдной чистотой и опрятностью отцовского одеяния, его сверкающими ружьями «Перде»,³¹ блестящей новенькой кожей, превосходной шляпой от «Локс»,³² перчатками, патронташем, сшитой на заказ твидовой курткой и сужавшимися книзу, тесными, плотными гетрами – темными чулками, надетыми поверх молескиновых брюк. Папа тоже все это знал и не обращал внимания. Он любил все самое лучшее – сам так не раз говорил. Родственники и мамыны друзья щеголяли в изодранном старом твиде и грязнящих сапогах и потому держались о себе самого высокого мнения. Пусть улыбаются, папа не против. Он не в первый раз давал повод для улыбок.

Дэвид и прочие загонщики уже сошли с просеки в лес. Стрелки и заряжающие, все сплошь мужчины, занимали позиции – два человека на каждый колышек с номером. Саймон подошел к одному из заряжающих.

– Вы мне просто дайте несколько коробок с патронами, – сказал он.

У каждого взрослого был свой заряжающий и по паре ружей, чтобы стрелять из одного, пока заряжается другое. У Саймона имелось два собственных ружья двенадцатого калибра, вот только одно было с вертикальным расположением стволов, один над другим, – подарок тети Ребекки, которая, как и всякая женщина, совершенно не понимала, что такой дробовик ни на что не годен, из них и стреляют-то лишь иностранцы, вооруженные грабители да ничтоже-ства, развлекающиеся пальбой по уик-эндам. У порядочного дробовика, как известно всякому, стволы должны располагаться в ряд. Хуже того, затвор ружья был откидным, а не скользящим, что и вовсе выходило за рамки приличия. Поэтому, как ни красиво было это ружье и как ни интересно было бы поохотиться с ним в одиночку, без всяких загонщиков, Саймон оставил его дома. Он только молился, чтобы тетя Ребекка, которая переминалась с ноги на ногу где-то позади, вместе с дядей Тедом и подошедшими из деревни женщинами и зеваками, ничего не заметила. Было у Саймона и другое ружье, калибра четыре-десять, Саймон все свое детство лупил из него по воронам и кроликам, и однако же, после долгих внутренних препирательств, он решил взять на охоту лишь старый надежный дробовик двенадцатого калибра и заряжать его самостоятельно.

Он набил карманы куртки барбур³³ патронами. Сода приплясывала вокруг, открыто выражая все то возбуждение и удовольствие, которые Саймон так старался скрыть.

Он отыскал глазами своего семнадцатилетнего кузена Конрада, стоявшего на третьем номере, подошел и остановился позади него.

– А, черт, – сказал Конрад. – Не стой сзади. Мне еще жить охота.

Саймон покраснел.

– Я хорошо стреляю, – пробормотал он.

– И убери свою чертову собаку, понял? Очень мне надо, чтоб она тут гавкала.

– Не станет она гавкать, – гневно ответил Саймон.

– Вот и хорошо, целее будет.

– Чш! – Пожилой лорд Дрейкотт, стоявший чуть дальше в линии стрелков, бросил на Конрада сердитый взгляд из-под широкой матерчатой кепки.

Конрад презрительно фыркнул:

– Господи боже, это ж фазаны! Они ничего толком не слышат.

³¹ Торговая марка стрелкового оружия, которое производится фирмой, основанной в середине XIX в. Томасом Перде.

³² Существующая с XIX в. шляпная фирма, основатели которой Джеймс и Джордж Лок сконструировали в 1850 г. первый «котелок».

³³ Названная так по имени производителя зеленая всепогодная куртка из вошеной ткани. Излюбленная одежда членов королевской семьи.

– Это дикие птицы, Конрад, – прошептал ближайший к Конраду мужчина, в котором Саймон узнал друга отца, Макса Клиффорда. – Птицы, на которых охотятся. Их очень легко спугнуть. Здесь не Гэмпшир,³⁴ они не приручены.

Макс говорил очень тихо, и все-таки в слове «Гэмпшир» прозвучало нечто до ужаса оскорбительное. Конрад побагровел и отвернулся. Саймон занял отведенное ему место. Сода уселась с ним рядом, вывалив язык и отдуваясь. Наступила тишина.

Саймон принялся шепотом повторять «Родительский совет»:

– Встал на место – стой потише. Зверь все видит, зверь все слышит. И не жадничай, мой свет, пусть стреляет и сосед.

Из леса на просеку вышел фазан и, громко хлопча, прогулочным шагом направился к охотникам. Кто-то засмеялся.

Саймон нашарил в кармане два патрона, вытащил их.

– Меж соседом и тобой может зверь промчать стрелой. Затверди же назубок: никогда не целься вбок.

Фазан так и вышагивал по просеке, высокомерно покачивая взад-вперед головой.

Саймон вложил патроны в стволы, сомкнул части ружья.

– Кто укрыт листвою – стрелок иль загонщики и звери? Осторожность не порок – не стреляй, не видя цели.

Самодовольная поступь фазана замедлилась. Он явно вглядывался вперед и, похоже, начинал постепенно осознавать, что перед ним – череда розовых лиц, коричневых, зеленых и красноватых твидовых курток, нацеленных на него поблескивающих ружей. Наконец он остановился и, выпучив не верящие увиденному глаза, вытянул вперед шею, – ни дать ни взять, подумал Саймон, косоглазый бармен из фильмов Лорела и Харди.³⁵

Саймон тяжело задышал через нос и сглотнул слюну.

– Попади или мазни, – шептал он, – но одно запомни туго: все на свете фазаны все же не стоят смерти друга.

Фазан оглянулся на только что покинутую рожицу. Саймону показалось, что птица наконец сообразила, что к чему. Со все нарастающим обиженным криком – словно посылая оставшимся в лесу друзьям и родственникам отчаянное предупреждение, – фазан взметнулся в воздух.

В тот же миг лорд Логан поднес к губам серебряный свисток и дунул в него. В глубине леса поднялся громовой шум – это загонщики затопали и заколотили по земле палками.

Саймон облизал губы, расставил положенным образом ноги – правую немного позади левой, в четверть оборота, – взвел большим пальцем правой руки курок. Прочие ружья тоже поднялись на их подпорках. Сода выпрямилась.

Внезапно воздух наполнился целыми эскадрильями взлетающих фазанов. Отовсюду, сливаясь в подобие жестокого кашля, загрохотали выстрелы, облачка белого дыма распустились над землей.

Саймон уже столько раз прокручивал все это в уме. Птицам предстояло подняться из-под деревьев, отчего, собственно, позиции стрелков и находились там, где находились. Однако летят фазаны стремительно, а взмывает их по три-четыре сотни за раз. Ко времени, когда Саймон сумел прицелиться, они уже были над его головой. Одну из птиц он провожал стволом от самого леса и теперь, когда ружье задралось вверх почти вертикально, выстрелил. И сразу за тем уронил ствол на пятьдесят градусов вниз, поймал на прицел еще одного фазана и снова выстрелил, целя ему в клюв.

³⁴ Расположенный в графстве Гэмпшир Нью-Форест (букв. «новый лес») был некогда традиционным местом королевской охоты.

³⁵ Стен Лорел (1890–1965) и Оливер Харди (1890–1965) – голливудские комики 20 – 30-х годов.

Он переломил ружье и наспех перезарядил его, когда из леса послышался крик:

– Хорош, тпру, тпру! Стой!

Последние несколько фазанов пропорхнули мимо, и Саймон услышал эхо заключительных залпов, раскатисто вернувшееся от кирпичных стен и оконных стекол дома, стоящего за спинами охотников в полумиле от них. Первая стая пронеслась секунд за сорок, а он только и успел, что пальнуть из двух стволов. Конрад расстрелял четырнадцать патронов. За деревьями поднялся визг и лай.

– Пошла, Сода! – закричал Саймон. – Пошла, девочка!

Сода рванулась вперед и понеслась к лесу: Саймону казалось, что вторым выстрелом он сумел-таки свалить птицу. Ничего, Сода разберется.

Снова поднялся крик:

– Смотрите! Смотрите!

Саймон посмотрел и, поскольку пороховой дым уже рассеялся, увидел, что воздух между охотниками и лесом наполнен чем-то схожим с осыпающимися лепестками. Собаки, поскуливая, в растерянности крутились среди завихрений разноцветной метели.

Саймон услышал голос тети Ребекки:

– Это же... Господи боже... Это же конфетти!

– Браво! Очаровательно! – воскликнул дядя Тед.

– Черт знает что! – сказал Конрад.

Сода трусцой выбежала из леса, таща в зубах фазана, которого и сложила к ногам хозяина.

Саймон с отвращением пригляделся к птице.

– Подранок, – сказал он.

Фазан был еще жив, клюв его открывался и закрывался, кривые, морщинистые лапки отчаянно дергались. Саймон поднял птицу и стал выкручивать ей шею, пока не раздался треск.

Вокруг него уже столпились другие охотники.

– Какого дьявола тут происходит?

– Вот вам и вся добыча!

Саймон недоуменно оглядел сгрудившихся вокруг людей:

– Что вы этим хотите сказать?

– Мы хотим сказать, – ответил Конрад, – что никто больше не подстрелил ни единой треклятой птицы. Вот что мы хотим сказать.

Саймон не понял, о чем он. Первая стая шла плотно, а это означало, что убитыми должны были оказаться никак не меньше сотни фазанов.

Лорд Логан взял фазана из рук Саймона. Генри, подручный егеря, поспешал к ним, лицо его выражало сразу и бешеный гнев, и совершенное недоумение.

Лорд Логан разглядывал фазана. В шейном оперении птицы застряли маленькие серебристые шарики.

– Серебряная дробь? – воскликнул кто-то. – Это уж слишком, Майкл, даже для вас.

Саймон заметил, как глаза отца на миг блеснули под густыми бровями.

– Это не дробь, – сказал он, перекатывая один из шариков между большим и указательным пальцами. – И не серебро.

Он вложил шарик в рот и раздавил его зубами.

– Сахар! – мрачно сообщил он. – Просто-напросто сахар.

Саймон достал из кармана неиспользованный патрон, выковырял пыж и высыпал на раскрытую ладонь отца кучку цветного сахарного горошка, серебристых сахарных шариков, риса и конфетти.

– Господи Иисусе! – сказал Конрад. – Саботаж. Это же чертов саботаж.

– Саботаж? – переспросил Саймон. – Но как же...

– Саботаж! Саботаж! Нас обвели вокруг пальца.

Поднявшийся крик быстро разросся до гневного рева, который смешался с квохтаньем возвращавшихся по своим местам фазанов и подвывающим, безудержным хохотом одного из загонщиков. Он отстал от своих товарищей и лежал теперь на земле в глубине леса, корчась от счастья и, как того требовал род его занятий, колотя, колотя, колотя по земле маленькими кулаками.

Глава третья

I

Дорогой дядя Тед!

Пишу, чтобы поблагодарить Вас за подарок. Мне очень жаль, что Вы не смогли приехать на церемонию, но я понимаю, как ужасно Вы заняты.

Мистер Бриджес, наш преподаватель английского, говорит, что присланная Вами книга – это первое издание, чрезвычайно ценное. Я очень тронут Вашей щедростью. Я пока еще не читал «Четыре квартета», хотя мы разбирали, когда готовились к экзаменам, «Бесплодную землю»,³⁶ и она мне очень понравилась, так что мне не терпится прочесть эти новые для меня стихи и понять их. Интересно, они как-то связаны с квартетами Бетховена?³⁷ Сейчас мой любимый поэт – Вордсворт.³⁸

Конфирмация прошла великолепно. Епископ Сент-Олбанский предварительно побеседовал со всеми нами, напомнив о важности предстоящего события. Когда ему пришлось возложить руку на мою голову, я почувствовал, что плачу. Надеюсь, Вам это не покажется странным. Думаю, меня сильнее всего растрогала мысль о передаче апостолической благодати. Христос возложил руку на голову Петра, а Петр стал епископом Римским и возлагал руку на головы тех, кто в дальнейшем сам становился епископом. И хоть мы порвали с Римом еще в шестнадцатом веке, епископы англиканской церкви по-прежнему могут проследить последовательность таких возложений, восходящую к самому Христу.

Когда я надкусил облатку, то удивился тому, какая она вкусная. Все уверяли меня, будто вкус у нее отвратительный – вроде картона. Мне она показалась похожей скорее на рисовую бумагу, которой выстилают изнутри коробки с миндальным печеньем. Вино было очень сладкое, но я как раз такое и люблю.

Вы написали о Вашей надежде на то, что конфирмация оправдывает свое название и не только публично подтвердит мою веру, но и подтвердит нечто во мне самом. Что ж, по-моему, так оно и вышло. Все мы согласны в том, что мир наш с каждым годом приходит в упадок. В нем становится все больше преступлений, все больше нищеты, пороков, бедствий. Мне кажется, Благодать, о которой мы так много говорили в конфирмационных классах, – это, вероятно, единственное, что способно спасти мир. Я знаю, это очень идеалистическая мысль, но, по-моему, в ней больше логики, нежели в чем бы то ни было другом. Благодать ведь связана со способностью вникать в свой внутренний мир, а не только во внешний. Если бы каждый из нас взгляделся в свою собственную душу, или в дух, или... не знаю, какое слово кажется Вам более предпочтительным, – то все грехи мира развеялись бы как дым. Если бы

³⁶ Названия двух поэм Томаса Стерна Элиота (1888–1965).

³⁷ «Четыре квартета» Элиота действительно навеяны последними квартетами Бетховена.

³⁸ Уильям Вордсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик.

мы все смогли воздеть руки и произнести: «Во всех проблемах повинен я», то никаких проблем и не осталось бы.

Саймона избрали на этот триместр председателем школьного комитета, он первый по всем предметам, и мы очень им гордимся. После школы он собирается в армию, но папа хочет, чтобы он попробовал поступить в Оксфорд. Я пока что не знаю, чем буду заниматься, однако в армию мне уж точно идти неохота. Больше всего мне хочется стать поэтом, как Вы.

В конце концов, разве есть на свете занятие более достойное?

*Господень мир, его мы всюду зрим,
И смерть придет, копи или расходуи.
А в нас так мало общего с природой,
В наш подлый век мы заняты иным.*³⁹

С подготовкой домашних заданий я на сегодня уже покончил и вот только что нашел в «Четырех квартетах» по-настоящему чудесную строку о том, что камни дома не отражают свет, но на самом деле поглощают его.⁴⁰ Я думаю, это говорит нам нечто о любви Господней.

Надеюсь, и Вы «поглотите» мою любовь. Еще раз спасибо за чудесный подарок.

С огромной любовью и множеством поцелуев,
Дэвид.

Я напряг все силы, стараясь припомнить, был ли и я в его годы вот таким же набожным паинькой, мелким дерьмом, которому так и хочется заехать в рыло. Я вспомнил, как слушал запретный джаз и забирался по приставной лестнице, чтобы подглядывать за раздевающейся дочкой директора школы; вспомнил все потасовки, весь пердеж и всю бестолочь стандартно-трясинного британского образования; вспомнил, как выл от несправедливости, ревел от страсти и кряхтел от одиночества; вспомнил и разговоры о поэзии, а как же, и свои заверения, что поэты будущего сграбастают человечество за яйца и вывернут их с такой силой, что весь род людской завопит, моля о пощаде. Но онанировать при мысли о грехе и благодати? Пикать вордсвортовскими сонетами? «Епископ Сент-Олбанский предварительно побеседовал со всеми нами, напомнив о важности предстоящего события», это что же такое, а? Или эта фарисействующая спринцовка сочиняла не письмо к крестному отцу, а статейку для школьного журнала? «Больше всего мне хочется стать поэтом, как Вы». Означает ли это, что он хочет стать, как и я, поэтом? Или он раболепен (и слабоумен) до такой степени, что подразумевает под этим желание стать таким же поэтом, каким был я? Христос хладоносный и трудоемкая Троица, ну и анус.

*Батлерс-Ярд, 4,
Сент-Джеймс,
Лондон, ЮЗ 1*

Дорогой Дэвид!

Какое замечательное письмо! Я очень рад, что мой скромный подарок попал в самую точку.

³⁹ Из сонета Уильяма Вордсворта (перевод В. Левика).

⁴⁰ «Раскаленный свет в душевной дымке / Не отражают, но поглощают серые камни». Т. С. Элиот. «Четыре квартета. Ист-Коукер» (перевод А. Сергеева).

Я тоже огорчен тем, что не смог присутствовать на твоей конфирмации. Свою я помню с исключительной ясностью. Чичестерский кафедральный – это не самый красивый из наших великих соборов (а если правду сказать, он приземист и уродлив, как жаба), но память о нем для меня свята. Служба происходила в один из тех дней, какие случаются только в прошлом. Солнечные лучи целовали алтарную плиту, потиры, диски и канделябры, митру епископа и наши головы, головы юных неофитов, окружая оные золотистым сиянием, способным заставить и самого непреклонного атеиста, какой отыскался бы среди нас, подвывать от безоговорочной веры.

Полная херня, разумеется. Единственное, что в те послеполуденные часы поблескивало на свету, так это капля, свисавшая с кончика епископского носа.

Как ни относиться к этим делам, все-таки не приходится сомневаться в том, что божество, создаваемое собравшимися вместе людьми, которых объединяют общие духовные устремления, столь же осязаемо, сколь осязаем пол, на который эти люди преклоняют колени. Является ли сказанное более верным применительно к англиканскому собору, чем к буддийскому храму или гостинице, в которую сходятся на свой сеанс чокнутые спириты, об этом не мне судить. Мне приятно, однако, что тебе небезызвестен старина Том Элиот, которого я, кстати сказать, знал лично. Когда я только начинал, он издал меня в «Фэйбер энд Фэйбер».⁴¹ Ему случилось сказать обо мне несколько любезных слов – хотя, с другой стороны, под конец жизни он наговорил любезностей целой уйме бесталанных ничтожеств, ни об одном из которых ты не слышал и никогда не услышишь. Был, скажем, такой Боттерилл, от которого он пришел в совершенный восторг. И кто теперь читает Боттерилла? Читателей у него даже меньше, чем у меня, а это о чем-нибудь да говорит.

Впрочем, я что-то забрел совсем не туда. Я, главным образом, хотел сказать, какое сильное впечатление произвели на меня чувства, выраженные в твоём письме с такой отвагой и убежденностью. Единственный другой человек, которому я прихожусь крестным отцом, это твоя кузина Джейн, а, как тебе известно, та часть вашей семьи, к которой она принадлежит, меня не жалуёт, и потому я считаю, что мне повезло иметь столь интеллигентного и интересного крестного сына, с которым так приятно переписываться. Насколько я понимаю, у тебя скоро каникулы. Для меня было бы большой радостью, если бы мы смогли встретиться и посмотреть, не удастся ли нам совместно докопаться до самого дна в том, что касается искусства и жизни. Я вот думаю, нельзя ли мне где-нибудь летом приехать и немного пожить в Холле? Мы с тобой могли бы читать, размышлять, беседовать, попивать что-нибудь душеуспокоительное и собирать маргаритки или, как то предпочитал Бернс, «сдирать траву родных полей».⁴² Родной мой сын (ты ведь помнишь Романа?) проведет большую часть каникул со своей почтенной и непочтительной матушкой, так что меня ожидают одиночество и отсутствие столь необходимых мне интеллектуальных и духовных стимулов.

Возмутительно. До чего же ты докатился, Тед, сволочь ты этакая? Напрашиваешься в приживалы в загородный дом своего крестного сына? Признайся, старый, скорбный содомит,

⁴¹ Лондонское издательство.

⁴² Цитируется «Застольная песнь» Роберта Бернса «Забыть ли старую любовь» (перевод С. Маршака). Только у Бернса «топтать», а не «сдирать».

что единственный «интеллектуальный и духовный стимул», в каком ты когда-либо нуждался, это быстрый перепах в кустах с какой-нибудь девкой из прислуги. С другой стороны, для того, чтобы отработать эти дивные, дивные денежки, мне необходимо попасть в Суэффорд. Не исключено также, что общество мечтательного романтика сумеет внушить мне такое отвращение, что я возьму да и разрожусь каким-нибудь новым трескучим стишком.

Так что, старик, может быть, ты обсудишь эту идею с родителями и посмотришь, как они к ней отнесутся? Я уж сто лет как не видел тебя, к тому же, как ни постыдно разгульна моя жизнь, обет, принесенный над твоей крестильной купелью, для меня кое-что значит. Возможно также, что твой юный энтузиазм вновь вдохновит меня на поэтическое творчество. Я обнаружил, что время и возраст подпортили мои способности по этой части и что, как отмечает твой любимый поэт, «прекрасное виденье» и впрямь «истаяло при заурядном свете дня».

*Ужели сгинули провидца сны?
И скрылись проблески мечты?*⁴³

Вот же пакость! Мне пришлось вскочить и пробежаться по комнате, посвистывая, попевая и пиная ногами стенные панели, чтобы избыть оставленный этой гнусностью привкус.

Итак, остаюсь в ожидании полного открытий и неожиданностей лета, твой любящий крестный отец

Тед.

Ах ты безобразный старый ханжа, какая же ты скотина, жуткая, жестокая скотина. Безмерное, раболепное, нечестивое, ничтожное чудовище. Как ты вообще можешь людям в глаза смотреть? Как можешь смотреть в зеркале на свою физиономию? Как можешь спать? Кошмарный, кошмарный человек.

Дорогой дядя Тед!

Ваше письмо заставило меня пуститься в пляс. Мама или папа скоро напишут Вам. Надеюсь, Вы сможете остаться у нас хотя бы на месяц!

*...ни злые языки,
Суржденья прыткие, глумленье себялюбцев,
Приветствия, в которых нет души, ни все
Безрадостные встречи нашей жизни
Нас никогда не сломят, не смутят
Веселой веры – все, что зрим вокруг,
Благословенно.*⁴⁴

Считаю дни.

С любовью и поцелуями, Дэвид.

⁴³ Цитируется ода Вордсворта «Видение бессмертия».

⁴⁴ У. Вордсворт. «Аббатство Тинтерн».

II

*Суэффорд-Холл,
Суэффорд,
Норфолк
Воскресенье, 19 июля 1992*

Дорогая Джейн!

Вот тебе первое из обещанных донесений, писанное в стенах Трои. Мое письмо к твоему двоюродному и крестному брату, если последние вообще существуют на свете, сработало, как заклинание. Малыш Дэви разве что собственных карманных денег мне не выслал, дабы я оплатил ими железнодорожный билет, – до того ему не терпелось меня увидеть. Если я не обгажусь здесь самым постыдным образом, то смогу остаться в Холле до тех пор, пока поведение мое не выйдет за рамки приличия.

Вокзал «Ливерпуль-стрит» – с тех пор как я в последний раз его видел – преобразовали в пагубную, неприемлемую смесь курортной пристани эдвардианских времен с телевизионной студией под открытым небом. Совершенно омерзительное зрелище. Поскольку твой чек по какой-то непостижимой причине представляется мне требующим особых почестей, я поехал первым классом. Во всем поезде имелся, насколько я смог заметить, всего один вагон для курящих. «Британские железные дороги» в тщетных попытках собезьянничать авиалинии (затея сама по себе полоумная – все равно что явиться в парикмахерскую и попросить, чтобы тебя постригли под Линдсея Андерсона⁴⁵) утыкала купе смехотворными глянцевыми табличками, на которых значится: «Исполнительный директор», «Важная особа» или еще какая-нибудь рвотная дребедень. Благодарение Иисусу, жить мне осталось недолго. Прости, в свете твоей болезни это замечание выглядит бесчувственным, но ты понимаешь, что я имею в виду.

Так или иначе, после полуторачасового скольжения ландшафтов за моим окном поезд с лязгом и дрязгом, от которых у меня испуганно поджались яйца, впоролся в станцию Дисс,⁴⁶ разрушив при этом пирамидку из бутылочек «Джонни Уокер», которую я соорудил на столике моего купе. На платформе я увидел юношу, который подбрасывал и ловил ключи от машины – совершенно как играющий с серебряным долларом гангстер. Лоснистый черный спаниель сидел у его ног, вывесив, по обычаю своего племени, язык наружу. Мои неуклюжие попытки пропихнуть чемодан по всей его ширине в узкую дверь купе, должно быть, объяснили молодому человеку, кто я такой. Вряд ли он помнит меня с той поры, когда я – четыре года назад – в последний раз осквернил своим присутствием Суэффорд.

– Здравствуйте, сэр, – сказал он и, ухватив чемодан, сноровисто повернул его боком и вытащил наружу. – Я Саймон Логан. Добро пожаловать в Норфолк.

– Спасибо, добрый человек. Тед Уоллис.

– А это Сода. Моя спаниелиха.

⁴⁵ Линдсей Гордон Андерсон (1923–1994) – театральный и кинорежиссер.

⁴⁶ Старинный городок в Южном Норфолке.

– Чрезвычайно рад знакомству, Сода, – сказал я, в знак приветствия опустив к собачьей морде указательный палец.

Саймон повел меня к выходу из вокзала.

– Дэвид тоже хотел приехать, но я подумал, что поездка в двухместке доставит вам удовольствие.

На парковке стоял двухцветный – синий лед со слоновой костью – «остин-хили». Машина для образцовой старлетки, подумал я, в такой могла бы фотографироваться Диана Дорс⁴⁷ – повязанная шарфом голова откинута, зубы блестят, сверкают похожие на два крыла солнечные очки. Ты, скорее всего, слишком молода, чтобы помнить, кто такая Диана Дорс, но я решил вставить ее сюда, не потребовав с тебя дополнительной платы. Я-то, разумеется, рассчитывал увидеть Майклов «роллс-ройс» с его богатыми припасами, но мальчик так откровенно радовался своей машине, что я одобрительно пошелкал языком.

– Крышу и окна я оставил дома, чтобы освободить в багажнике место для ваших чемоданов. Дождя пока ожидать вроде бы не приходится, верно?

Я оглядел бескрайнее небо Восточной Англии, безоблачное и синее, как... нужного уподобления моему поэтическому дару подыскать не удалось. Не могу придумать, какое такое синее как. Синее как синее. Синее, как панталоны Мадонны. Какое было синее, такое и было.

Едва лишь городишко Дисс остался позади, пение мотора и лишенная указателей дорога сразу приступили к созданию приятной иллюзии тихой и пыльной Англии Дорнфорда Йейтса.⁴⁸ Я почти ожидал увидеть лошадей, в ужасе встающих на дыбы при виде автомобиля, и разинувших рты селян, которые в изумлении тычут друг друга локтем в бок. Пелена покоя лежала на всем, и мы прорывали ее, как быстрый катер прорывает поверхность озера. О Дорнфорде Йейтсе ты, надо думать, тоже слыхом не слыхивала, однако вот он, получи.

Под натиском воздуха моя челка хлопала меня по физиономии, норовя, пока я поглядывал налево-направо, попасть по глазам. Саймон – коротко, не по моде, постриженный – неотрывно глядел вперед, каждая сосредоточенная секунда за рулем поддерживала в нем состояние, близкое к оргазму. Лет ему, по моим представлениям, было семнадцать, и водительские права он получил совсем недавно. Саймон из тех юношей, что отправляются сдавать экзамен на права прямо в день своего рождения, с утра пораньше, и легко находят оправдания для того, чтобы проехать двадцать миль с единственной целью – купить коробок спичек. Счастливая Сода, затиснувшаяся за наши спины, так и держала язык высунутым, и ветер трепал его, забрасывая куда-то за уши.

Внимание мое привлек серебристый проблеск вдали, за дымкой над полями, хлеба которых только-только начали обращаться из зеленых в золотистые.

– Что это? – проревел я.

Саймон поднял голову.

Я ткнул пальцем и возопил:

– Вон там! Блестит что-то, точно церковь.

– А, это. Хранилище.

⁴⁷ Диана Дорс (1931–1984) – английская кинозвезда 60 – 70-х годов.

⁴⁸ Псевдоним английского писателя Сесила Уильямса Мерсера (1885–1960).

– Для чего?

– Для зерна. Дешевле построить такое, чем перекрыть старую ригу. И зерно сохраняется лучше.

– Ну и уродина.

Я отметил также, что земля здесь кажется более плоской – бог с ними, с шуточками Ноэля Кауарда⁴⁹ по поводу Норфолка, – чем я ее помню. Дело, разумеется, невозможное, но она несомненно раздалась и вширь, и в глубину. Причина, конечно, в живых изгородях, вернее, в отсутствии таковых. С тех пор как их стали искоренять, прошло, должно быть, лет двадцать, но моя стариковская память все еще ожидает их. Вот точно так же, если Вестминстерский совет⁵⁰ решит вдруг пустить машины по Пикадилли в обоих направлениях, я этого, скорее всего, не замечу, поскольку всегда думаю о Пикадилли как об улице с двусторонним движением, даром что с тех пор, как эта сволота ее изгадила, миновали уже десятки лет. Ныне ландшафт королевства Восточная Англия⁵¹ с его оголенными полями, колоссальными валиками прессованной соломы, упакованными, точно отбросы, в пластиковые мешки, и с новыми непристойными зернохранилищами из алюминия напоминает нечто прямо американское – ну, знаешь, огромные пшеничные поля Айовы, по которым грудь в грудь катят, точно бронетанковые дивизии, хлебоуборочные комбайны. Я, конечно, городской воробей, мне необходимы твердые каменные плиты под ногами и воздух, который можно отгрызать кусками, но при всем том в сердце моем есть место и для сельской Англии, и мне не нравится то, что творит с ней всякое хулиганье.

Саймон был счастлив.

– Приходится думать об урожае, – прокричал он, за чем последовал агрессивный вопль, который можно в любом уголке страны услышать от мародерствующего землевладельца: – Есть-то ведь нужно, правда?

Я обнаружил, впрочем, что вблизи Суэффорд-Холла живые изгороди все еще высаживаются, причем в изобилии. Ничто на свете не действует на нераскаянного сноба вроде меня так живительно, как зрелище, которое открывается, когда летишь в машине мимо деревьев парка, то заслоняющих, то открывающих, точно играющая с вуалью стриптизерка, дымоходы, окна и колонны огромного дома. Мы промчались по липовой аллее, дом развернулся перед нами, как сказал бы Л. П. Хартли,⁵² во всем своем вульгарном великолепии, и я с уколом сожаления и самобичевания увидел мальчика, сидящего в самой середке барочной лестницы, что изливается из фасадного портика, подобно плотному потоку расплавленной лавы. Мальчик поднялся и, ладонью прикрыв от солнца глаза, уставился на нас.

До сей поры я давил в себе всякую мысль о том, что придется как-то избавиться от этого несносного дитяти. Он свое назначение выполнил – добился того, что меня пригласили сюда, и уж меньше всего мне хотелось слоняться по дому, тратя время и силы на претенциозно интеллектуального нытика или, еще того хуже, заставляя себя самого выслушивать, как я цежу

⁴⁹ Сэр Ноэль Кауард (1899–1973) – английский драматург, режиссер, актер и композитор, автор популярных музыкальных комедий.

⁵⁰ Совет Большого Лондона, лондонский муниципалитет, до 1997 г. находившийся в здании, соединяемом со зданием Парламента Вестминстерским мостом.

⁵¹ Существовало в VI–VIII вв. на месте нынешних графств Норфолк и Суффолк.

⁵² Лесли Поулс Хартли (1885–1972) – английский писатель и критик.

мои грошвые апофегмы. Решение могло бы, вероятно, состоять в том, чтобы придумать для него какое ни на есть занятие, поставить сатанинскую задачу, которая позволит сбыть его с рук. Я воображал, как скажу ему: «Напиши-ка мне что-нибудь пространное в *terza rima*.⁵³ Раз ты собираешься стать поэтом, нужно учиться владеть формой».

Саймон поднял целое облако песка и гравия, резко и бессмысленно крутанув перед домом уже поставленную на ручной тормоз машину.

Дэвид, помаргивая от пыли, спустился по ступенькам.

– Здравствуйте, дядя Эдвард, – улыбаясь и краснея, сказал он.

Очень хорошенький мальчик, право. Сам я ничего привлекательного в представителях моего пола не нахожу, давление мое при виде отроческих прелестей подобного рода не подскакивает ни на единый бар – на самом-то деле в мужчине такое обличье кажется мне отчасти смешным, – но я могу перечислить сколько угодно знакомых мне писателей и артистов, которые, увидев этого мальчика даже мельком, впали бы в экстаз, застонали и вцепились, ища поддержки, в ближайшую стопку водки. Саймон миловиден на бесцветный манер – как старый фотопортрет. Он респектабельно перерос свои прыщи и обратился в обычного английского – применительно к нему правильное, конечно, сказать «наполовину английского» – молодого человека. Но что касается кожи Дэвида, она прямо-таки на изумление чиста, в жизни своей не видел я кожных покровов столь безупречных. Думаю, в нем есть нечто женственное. Ты, полагаю, знаешь его лучше, чем я? Как бы то ни было, его потупленный взор и алые щеки свидетельствуют о девственной скромности, в нынешних юношах редкой. Он обещает оказаться в точности таким самодовольным хлыщом, каким грозили мне его письма.

– Дэви, юный ты негодяй, как я рад тебя видеть! – сказал я, выгружая мои останки из машины.

На пороге появилось то, что ныне почти повсеместно именуется – с усмешечкой вывернутого наизнанку снобизма – «настоящим живым дворецким».

– А, Подмор, не так ли? – Я помахал ему рукой, предварительно выдержав несколько секунд сосредоточенной нерешительности, назначение коей было – показать, что я роюсь в памяти, припоминая и отвергая имена по меньшей мере двадцати других дворецких, с которыми нахожусь на дружеской ноге. У тебя, моя дорогая, такие вещи получаются сами собой, а нам, представителям Богемы, поддельная беззаботность дается с великим трудом.

– Добрый день, мистер Уоллис. Приятно снова увидеть вас, сэр.

Смею сказать, я его и на минуту не одурачил.

Дэвид с выражением собственника на физиономии, без обиняков говорившим: во всем, что касается до меня, я его гость, вытащил из багажника «остина» мой чемодан. Саймон, не оборачиваясь, помахал нам рукой и, с хрустом разворошив задними колесами гравий, унесся по какому-то новому делу.

Так, так. Вот я и на месте. На какое время я тут останусь, зависит, полагаю, от приема, который окажет мне Майкл. Твоя идея объявить ему, что я хочу написать его биографию, разумеется, хороша, однако...

⁵³ В терцинах (*итал.*).

Факты таковы, Джейн, и я тебе об этом говорил: по меньшей мере двое довольно авторитетных писак уже навязывались Майклу Логану в биографы и ничего не добились. В журналистских кругах Суэффорд-Холл именуют отелем «Предписанина».

Я не хочу сказать, что ничего из этого не выйдет, в конце концов, Майкл доверяет мне – примерно так же, как доверяли Гаю Берджессу,⁵⁴ то есть исходя из уверенности, что уж столь-то откровенно беспутный, ненадежный человек наверняка должен быть лояльным и честным, – просто мне кажется, что может потребоваться какой-то другой подход. *Nous verrons ce que nous verrons.*⁵⁵

Дэвид, крени под тяжестью чемодана худенькое тело, уже добрался до верхних ступеней.

– Все в порядке, мистер Подмор, – сказал он. – Я покажу дяде Эдварду его комнату.

Мистер Подмор? Омерзительная буржуазность.

– Не лучше ли мне, прежде чем мы двинемся дальше, отметить у твоих родителей? – поинтересовался я, чувствуя, как тает, удаляясь от меня, перспектива долгого чаепития на террасе, неприметно перетекающего в распитие коктейлей на веранде, к коему душа моя и стремилась.

– Мама уехала за покупками в Норидж,⁵⁶ – радостно сообщил мне мальчишка, – а папа в Лондоне. Вот сюда.

Я воздержался от вопроса о том, когда возвратится Майкл. Хороший гость – это гость, никогда не задающий вопросов, касающихся обитателя дома. Хозяева, даже лучшие из них, – существа нервные и истолковывают любознательность как свидетельство недовольства.

– Превосходно, – сказал я и повалил вверх по ступеням.

По крайней мере, Дэвид, отведший мне, ни у кого не спросив, комнату Ландсира,⁵⁷ обеспечил меня первоклассными удобствами. Ты в ней когда-нибудь останавливалась? Огромная комната с очень удобной кроватью, обильно заставленная чиппендейлами⁵⁸ и хепплуайтами⁵⁹ и с превосходным видом из окон. Особый интерес представляет для меня, ибо я люблю понежиться в ванне, смежная с ней ванная комната, с вавилонским расточительством набитая разного рода дорогими маслами и мазями, – кранами можно управлять с особого пульта, расположенного рядом с кроватью. Только чокнутый вроде Майкла Логана способен нанимать слуг, чье единственное назначение – наполнять ванны, а после еще тратиться на машинерию, которая исполняет за них эту работу. Хотя шторы тут с ручным управлением, и это великое благо, ибо мало отыщется в жизни удовольствий превыше того, что получаешь, просыпаясь под шелест, с которым горничная выпускает дневной свет в спальню.

⁵⁴ Гай Берджесс (1913–1983) – британский дипломат, завербованный советской разведкой еще в начале 30-х годов. Работал в британской разведке, затем в Министерстве иностранных дел. В 1951 г., опасаясь разоблачения, бежал из Англии. Скончался в Москве.

⁵⁵ Поживем – увидим (*франц.*).

⁵⁶ Главный город графства Норфолк.

⁵⁷ Эту фамилию носили в XVIII–XIX вв. четыре английских художника – отец Джон Ландсир (1769–1852) и трое его сыновей, из которых последний, сэр Эдвин (1802–1873), был особенно популярен благодаря мастерским изображениям животных.

⁵⁸ Стиль мебели XVIII в. – рококо с обилием тонкой резьбы. Назван по имени краснодеревщика Томаса Чиппендейла.

⁵⁹ Стиль мебели, преимущественно красного дерева, XVIII в. Назван по имени краснодеревщика Джорджа Хепплуайта.

Впрочем, за все приходится платить, и в комнате Ландсира расплата принимает обличье умонелепой картины, которая висит над камином. На четверти акра постыдным образом потраченного холста изображен некий спаниель, настороженно и гордо застывший на высоком замковом бастионе, с коего открывается вид на обширную спейсайдскую⁶⁰ лощину, или теснину, или как они там, в Шотландии, именуют теперь долины. Сие произведение называется – надеюсь, тазик у тебя под рукой – «Властитель всего, что он видит». В доме, как мне известно, есть и другие спальни, способные предложить живопись более приемлемую, включая вполне сносную «Кумскую сивиллу, желающую смерти»⁶¹ и относительно скабрёзного «Зевса, насилующего Европу в окружении нимф и дриад, застывших в античных позах», однако с этой комнатой им и по стилю, и по комфорту тягаться трудно, так что я готов примириться со спаниелем ради ароматических ванн и приятного вида. Я все забываю спросить у Майкла, покупает он свои произведения искусства прямо центнерами или все же бросает на них временами предварительный взгляд. Что же, по крайней мере я избавлен от несказанного ужаса комнаты Хобхауса с ее «Ибо Агнец Заблудший сыскался», способной довести любого, не обладающего совсем уж железной волей, человека до ночных кошмаров и истерической трясучки. Ты знакома с Оливером Миллсом? Старинный приятель твоего отца, да и мой тоже. Самый вопиющий из вопиющих педерастов, изгнанный из священников кино– и телережиссер, – ты наверняка знаешь Оливера. Так вот, его однажды застали мечущимся туда-сюда по коридору у двери в комнату Хобхауса, – он был завернут в пуховое одеяло и завывал: «Отведите меня на чердак, к прислуге, в собачью конуру, в гранд-отель, куда угодно!» Естественно, отыскался дурак, который поменялся с ним комнатами.

Однако властительного спаниеля, озирающего свои владения (или лучше сказать – недвижимость?), я как-нибудь выдержу, тем более что другой властительный спаниель, Дэвид, оказался так мил, что приложил кучу стараний, дабы удовлетворить любой мой каприз.

– Ага! – сказал я, увидев уставленный бутылками стол. – Все, как ему и следует быть.

Дэвид проследил за моим взглядом, остановившимся на высоком, зеленеющем, мерцающем лесе, который рос посреди сверкающего хрустального моря.

– Вы ведь предпочитаете виски, дядя Эдвард?

– Прежде чем мы двинемся дальше, дорогуша, – сказал я, – не покончить ли нам с «дядей»? «Тед» более чем сгодится, простой заурядный «Тед».

– Ну да, – сказал Дэвид. – Тед. Как Тед Хит.

– Мальчик твоего возраста слышал о Теде Хите?⁶²

Дэвид недоуменно уставился на меня:

– Так он же был премьер-министром, разве нет?

– А, ты про этого Теда Хита.⁶³ Я-то решил, что ты имеешь в виду лидера джаз-банда.

⁶⁰ Имеется в виду шотландская провинция Спейсайд, в которой, кстати, и производится виски «Гленливет».

⁶¹ Сюжет взят из «Энеиды» Вергилия.

⁶² Эдвард («Тед») Хит (1902–1969) – руководитель знаменитого в 40 – 50-е годы английского джаз-оркестра.

⁶³ Эдвард Хит (р. 1916) – премьер-министр Великобритании с 1970 по 1974 г.

– Какой банды?

Иисусе, до чего же я ненавижу детей. И Иисусе же, до чего я ненавижу свою слабеющую память.

– Ладно, Дэвид, – сказал я, – пожалуй, я... э... приму ванну и, понятное дело, после немного сосну.

– О... ну да. – Разочарование он скрывать умеет. – Абсолютно. Вы знаете, где что?

– Более-менее.

Он отступал к двери:

– Я бы... когда вы спуститесь вниз... там Южная лужайка, которая... – Дэвид показал пальцем на стену за кроватью, – вон там. Я, скорее всего, буду болтаться где-то на ней, и если вам захочется... ну, вы знаете. Поболтать.

Я ощутил себя куском свинятины.

– Дэви, – сказал я, глядя ему прямо в глаза, – это просто чудесно – опять оказаться здесь. Мы с тобой великолепно проведем время. Спасибо, что пригласил меня.

Лицо его просветлело.

– Спасибо, что приехали. Мне так много...

Он примолк, покачал головой и вышел, прикрыв за собой дверь.

Час спустя я, раскрасневшийся от хорошего виски, с кожей, лоснящейся и помягчевшей от масла пачулей, сидел перед листком писчей бумаги Суэффорд-Холла и смотрел пред собою – в даль, лежащую за лужайкой и парком. К нудным трудам по сочинению этого письма я мог приступить попозже, а в тот миг ничто не мешало мне потягать Музу за титьки и посмотреть, не начнет ли она выражаться. Маловероятно, что стихи смогут родиться в столь мирной обстановке, но ведь коли не попробуешь, так и не узнаешь. Я, по обыкновению своему, набросал список слов, внушенных мне моим настроением и окружением:

*Держал
Поверхность
Умациенцию
Медление
Утеха
Полный
Вес
Прекротость
Вспышка
И она
Распространяет
Сюзеренитет
Все золото мочи
Все ширится Горячее*

Примерно с четверть часа я вглядывался в этот список. Потребителей поэзии редкие слова обычно раздражают, но они же никогда не думают, никогда не дают себе труда *задуматься* о жизни поэта. У живописца есть масляные краски, акриловые смолы и пастели, скипидар, льняное масло, холст, соболий и свиной волос. Когда ты в последний раз привычно использовала что-либо подобное? Разве что смазывая крикетную клюшку

или подкрашивая ресницы. Хотя, если подумать, навряд ли тебе доводилось хоть раз в жизни смазывать крикетную клюшку, но ты понимаешь, о чем я. Хорошо, музыканты: у музыканта имеются целые машины из дерева, меди, кишок и углеродистого волокна; в его распоряжении – увеличенные септимы, знаки альтерации, дорийские лады и двенадцатитоновые ряды. Ну-ка, когда ты в последний раз прибегала к увеличенной септине, чтобы поквитаться с любовником, или к партии фагота – чтобы заказать пиццу? Никогда. Никогда, никогда, никогда. А теперь возьмем поэта. О да, бедного поэта: возьмем горести бедного паршивого поэта. У поэта нету запаса материалов, нет у него уникальных ладов. Нет ничего, кроме слов, того же самого инструмента, которым весь клятый мир пользуется, чтобы выяснить, как дойти до ближайшей уборной, посредством которого люди отбарабанивают извинения за топорные предательства и бестолковые увертки, коими полнятся их заурадные жизни; у поэта нет ничего, только те же, все те же самые слова, которые ежедневно, в миллионах обличий и фраз, применяют для ругани, молитв, оскорблений, лести и вранья. Бедный паршивый поэт не вправе больше сказать «смежил» вместо «закрыл» или «отрок» вместо «подросток», от него ожидается, что он соорудит нам новые стихи из пластмассового, пенопластового сора, которым усеяны лингвистические полы двадцатого века, что он создаст свеженькое искусство из вербального презерватива, уже использованного в социальных сношениях. Диво ли, что время от времени мы ищем убежища в «дородстве», в «усладе», в «лазури»? Невинные слова, девственные слова, слова незахвачанные и неизнасилованные, слова, само владение коими знаменует отношения с языком, подобные тем, в каких скульптор состоит с мрамором или композитор с нотонаосами. Не в том, разумеется, дело, что на кого-то когда-то все это производит впечатление. Все только и знают, что стенать насчет «герметичности» либо гордиться своим знакомством с эллипсичностью, непрозрачностью и аллюзиями, каковые, по их убеждению, сообщают любому сочинению глубину и богатство. Сволочная профессия, уж ты мне поверь.

Ладно, ладно... извинений себе напридумывать я могу сколько угодно, но подлинная правда состоит, полагаю, в том, что энергия по капельке истекала из меня в течение десяти лет, истекала и наконец истекла. Слишком много появлений в «Позднем шоу» и у Мелвина Брагга,⁶⁴ слишком много предложений простенькой работы – составить и отредактировать антологию и, если на то пошло, слишком много старой доброй бухаловки. Я перечеркнул список слов, гневными буквами написал поперек листка: «ТРЕСКОТНЯ!» – и сунул его в ящик письменного стола. Следовало бы, конечно, скомкать его и выкинуть, да только один повредившийся в уме университет из Техаса уже заплатил мне за права на все мои бумаги.

– Бумаги? – переспросил я, когда со мной связался их профессор Современной Поэзии. – Что значит «бумаги»?

– Черт, ну, знаете... записные книжки, черновики, письма... бумаги.

Интересно, каким надо быть самовлюбленным и невыносимо утонченным беллетристским⁶⁵ сутенером, чтобы хранить свои *записные*

⁶⁴ Английский тележурналист и интервьюер.

⁶⁵ Подразумевается «леттризм» – основанное в 1946 г. в Париже эстетическое течение, которое в любом искусстве ставит во главу угла букву (lettre).

книжки? – спросил я себя. Полный абсурд, однако деньги предлагались хорошие, так что я потратил целый уик-энд на подделку десятков правдоподобного обличья черновики самых известных моих стихотворений. Отродясь так не забавлялся. Я брал листок за листком, переписывал на них стихи и нацарапывал на полях по-гречески нечто неудобочитаемое или писал поперек текста разноцветными чернилами что-нибудь вроде: «а Скелтон????»,⁶⁶ или «*mild und leise wie er la'chelt*»,⁶⁷ или «см. “Экономику вкуса” Рейтлингера, том II, с. 136», или «Нет, нет, нет, нет, нет, нет! Перекрой поле, перекрой поле!!!» На одном из листков я написал карандашом: «А потомки пусть у меня отсосут», а после стер написанное. Американской аспирантке потребовалось чуть меньше четырех лет, чтобы расшифровать эту запись и написать ко мне, спрашивая, что я имел в виду. Впоследствии она на три месяца приехала в Англию, дабы продолжить свои исследования, и выяснила все досконально.

Прости, дорогая, что перескакиваю с одного на другое, но ты и представить себе не можешь, какое облегчение доставляют мне эти чистосердечные признания. К тому же, поскольку ты не сказала мне, что я должен искать, писать пока больше не о чем.

Как бы там ни было, отчаявшись что-либо сочинить, я налил себе еще стаканчик шотландского, и тут зазвонил стоящий у кровати телефон.

– Тед, это Энн.

– Любовь моя!

– Именно. Уютно устроился?

– Уютнее, чем содомит под грудой регбистов.

– Тогда спускайся вниз, нам надо поговорить.

Энн ожидала меня у окна в одной из глядящих на юг гостиных. Услышав поскрипывание половиц, она обернулась и приветливо улыбнулась мне.

– Тед, до чего же я рада снова тебя увидеть. Я подошел к окну, расцеловал ее в щеки и отступил на шаг, вглядываясь. Она всегда была прелестным маленьким существом – светлые волосы, хорошие скулы, глаза голубые, как... et cetera.⁶⁸ Не знаю, хорошо ли ты с ней знакома, она ведь стала твоей теткой, только когда вышла замуж, и потому – вот тебе кое-какие сведения.

Энн познакомилась с Логаном, когда мы с ним еще разгуливали в армейской форме. В то время он не был так уж богат, а Энн и вовсе была дочерью разорившегося, ни на что не годного графа. Наш на редкость захудалый полк участвовал в каких-то дурацких дивизионных учениях вблизи Тетфорд-Чейз,⁶⁹ и командир взял нас с Майклом, единственных своих офицеров, которые не говорили «пардон» и не держали за столом ножи на манер карандашей, на обед в Суэффорд-Холл, бывший в ту пору кучей заплесневелых камней, до того уж промозглой, что у беседующих в гостиной шел изо рта пар, а соски женщин торчали, точно бакелитовые кнопки. Энн было тогда одиннадцать, она исполняла обычные детские обязанности – разносила оливки и мило улыбалась гостям перед тем, как отправиться спать.

⁶⁶ Джон Скелтон (1460? – 1529) – английский поэт и ученый, известный своими сатирами.

⁶⁷ Он улыбается слабо и кротко (нем.).

⁶⁸ И так далее (лат.).

⁶⁹ Лес в окрестностях городка Тетфорд в графстве Норфолк.

Я на нее почти и внимания-то не обратил, заметил только собачью шерсть на спине ее простенького бархатного платица.

На обратном пути, в машине – наш командир, в пьяном отупении уткнувшись носом в плечо Майкла, что-то громко бурчал, – Майкл вдруг повернулся ко мне.

– Тедвард, – прошептал он, – когда-нибудь я женюсь на этой девочке и куплю этот дом.

– Не раньше чем меня назначат поэтом-лауреатом,⁷⁰ – сказал я.

– По рукам.

Водитель оглянулся на нас и подмигнул:

– А меня – лидером Лейбористской партии.

– Заткнитесь, капрал, – хором рявкнули мы, – и следите за дорогой.

Командир пробудился и облевал парадный китель Майкла.

Что потом случилось с водителем, представления не имею. Почем знать, может, его и избрали лидером партии лейбористов. Меня эти штуки никогда особо не интересовали. С определенностью могу сказать лишь одно: поэтом-лауреатом меня не назначили, и не назначили бы, даже если б я остался единственным живым британским поэтом, каковым я себя, кстати сказать, и считаю. Мы с Майклом покинули армию, как только закончилась наша двухгодичная служба. Десять лет спустя он женился на леди Энн, а еще через два года в голове его благородного тестя лопнул кровеносный сосуд и Майкл выкупил Суэффорд-Холл у Алека, новоиспеченного лорда Брессингэма, угодливого молодого проказника, походившего на помесь Брайана Форбса с Лоренсом Гарли,⁷¹ – Алек был рад-радехонек набить свой ящеричьей кожи бумажник наличными и упрыгать в квартиру на Баркли-сквер.⁷² Вследствие извращенного каприза судьбы, всегда состоявшей в подпевалах у путеводной звезды Логана, Алек Брессингэм провел последующие пять лет, понемногу возвращая эти деньги назад – в виде проигрышей в сети казино Мэйфера,⁷³ которой управлял тогда Майкл. Алек даже застрелиться умудрился в отеле, принадлежавшем Логану. Энн это расстроило не так чтобы и сильно: молодой человек приходился ей кузеном настолько далеким, что дальше уж и не бывает, к тому же она всегда подозревала его в антисемитизме – черте, которую Энн, подобно многим женщинам, вышедшим замуж за представителей еврейского племени, способна унюхать в ком угодно. Меня, впрочем, она в этом грехе никогда не обвиняла, – быть может, потому, что я имел наглость, приветствуя Майкла, неизменно называть его «старым жидом». Как правило, она была рада видеть меня – пока я прилично себя вел.

Я завершил осмотр Энн.

– И я ужасно рад видеть тебя, Энни, – ответил я. – Ты помолодела. Да и жирок растрясла.

– Майкл в городе. Надеется приехать на следующей неделе. Просил пнуть тебя кулаком в пузо.

Я заметил, что она, разговаривая, посматривает в окно, и проследил направление ее взгляда. Южная лужайка, как ты, наверное, знаешь, наклонно

⁷⁰ Почетное пожизненное звание, присваиваемое (вместе с ежегодным денежным вознаграждением) королевским двором видным поэтам.

⁷¹ Брайан Форбс (р. 1926) – английский кинорежиссер, сценарист и актер. Лоренс Гарли (1928–1973) – английский актер.

⁷² Аристократический район в центре Лондона.

⁷³ Мэйфер – фешенебельный район лондонского Вест-Энда.

уходит к озеру, перед которым возвышается миниатюрная копия виллы «Ротонда»⁷⁴ – своего рода летний домик. Энн, увидев, что я наблюдаю за ней, пожала плечами и улыбнулась.

– Там Дэвид, – сказала она. – Знаешь, Тед, по-моему, твой приезд – это лучшее, что могло с нами случиться.

– Ну да, – уклончиво откликнулся я.

– Я так беспокоюсь о нем. Мне нужно тебе рассказать... это немного странно...

Она умолкла. В дверях стоял Саймон.

– Мам, я хочу сгонять в Уимондэм,⁷⁵ повидаться с Робби. Ничего?

– Да, дорогой.

– Я, может, останусь там на ночь.

– Хорошо, хорошо. Только скажи Подмору, что тебя не будет к обеду...

Он кивнул и удалился. Энн села.

– Армия, насколько я понял? – спросил я, присаживаясь рядом с ней на софу.

Похоже, вопрос поставил ее в тупик:

– Армия? Какая армия?

Я указал на дверь:

– Саймон.

– А. Да. Да, верно.

– С ума сойти, – забалабонил я, чтобы дать Энн время собраться с мыслями и свалить с души груз, который ей явно хотелось свалить. – Я-то пошел служить только потому, что иначе меня упекли бы в кутузку. А мысль, что кто-то и впрямь хочет поступить на военную службу, хоть это и не обязательно... призывную комиссию он уже прошел?

– Призывных комиссий больше не существует... теперь у нас «комплектующие».

– А, ну да, – учтиво пробурчал я, с великим удовольствием изображая бывшего ветерана, слышавшего пение военной трубы. – Конечно. «Профессионалы», так они себя теперь называют. Нынче уже недостаточно умения не позволять графину с портвейном, когда тот идет по кругу, касаться стола. Нынче необходимо говорить на кантонском диалекте, уметь разобрать двигатель танка, руководить дискуссиями насчет посттравматического стресса и знать назубок имена своих подчиненных.

– Тед, – наконец сказала она с оттенком мольбы в голосе, – ты поэт. Художник. Я знаю, тебе нравится... подшучивать над собой, но ты ведь такой и есть.

– Я такой и есть.

– Большинство твоих стихов я никогда толком не понимала, но ты же их не для того и писал, верно?

– Ну...

– Однако я сознаю, ты наверняка должен был много размышлять над... не знаю... над идеями.

⁷⁴ Купальное здание в древнеримском стиле, построенное знаменитым итальянским архитектором эпохи Возрождения Андреа Палладио (1508–1580) вблизи его родного города Виченца.

⁷⁵ Старинный городок в Южном Норфолке.

– Молодой поэт однажды сказал Малларме: «Я сегодня придумал совершенно потрясающую идею стихотворения». «Да что вы, – ответил Малларме, – какая жалость». «Что вы этим хотите сказать?» – спросил уязвленный поэт. «Ну как же, – ответил Малларме, – стихи ведь делают не из идей, верно? Их делают из слов».

– Ах, Тед, поговори со мной серьезно, хотя бы разок. Прошу тебя.

Я, собственно, и полагал, что говорю серьезно, тем не менее сообщил своей физиономии уместно меланхоличное выражение и склонился к Энн.

– Нас всех тревожит, что Дэви становится каким-то странным.

– Вот как?

– Нет, ничего такого уж определенного. – Энн приложила, словно покрасневшая девица, ладони к щекам. – Он на редкость славный. Ужасно добрый, ужасно заботливый. Все находят его до крайности милым. И в школе никаких неприятностей. Просто нам кажется, что он немного... не от мира сего.

– Мечтатель.

– Да нет, не совсем так. Мне кажется, у него так мало... общего с нами. Ты меня понимаешь?

– Для тебя не новость, что в его возрасте возможность побыть одному многое значит.

– На прошлой неделе у нас были к обеду гости, и Дэви звонким таким голосом спросил жену местного члена парламента: «Как вы думаете, у кого из животных самый длинный пенис?» Она истерически захихикала и переломила ножку своего бокала. А Дэви настаивал: «Нет, ну как по-вашему, у кого? У какого животного?» В конце концов она, просто из отчаяния, назвала синего кита. «Нет, – сказал Дэви. – У самца кроличьей блохи. Длина эрегированного пениса самца кроличьей блохи равна двум третям длины его тела. Вам это не кажется поразительным?» Тут он заметил, что все мы уставились на него, попунцовел и сказал: «Простите меня, пожалуйста. Я просто не умею поддерживать беседу». Вот так, Тед. Тебе это не кажется необычным?

– Еще бы, – ответил я. – Это я насчет бедной самки кроличьей блохи. Надеюсь, природа облагодетельствовала ее приспособлением достаточно эластичным, чтобы принять столь жуткий инструмент. Но, говоря по правде, – поспешно добавил я, увидев, что Энн ждала вовсе не такого ответа, – Дэвиду пятнадцать. Пятнадцатилетки всегда производят странноватое впечатление. Им нравится трясти прутья своей клетки, рваться с поводка, отыскивать свое... свое место, – по-моему, это так называется.

– Ты поймешь, о чем я, когда проведешь с ним какое-то время. Он так неприступен, так отчужден. Как будто он здесь в гостях.

– Собственно, в гостях-то здесь я, – сказал я, вставая, – и это замечательное ощущение. Но, разумеется, я присмотрюсь к нему, если ты хочешь именно этого. Думаю, скорее всего выяснится, что он влюблен в дочку егеря, что-нибудь в этом роде.

– Едва ли. У нее заячья губа.

– Для любви это не помеха. На Руперт-стрит была одна шлюха с заячьей губой. Так она с ее помощью такое вытворяла...

Впрочем, я решил оставить эту историю на потом, отвесил прощальный поклон и направил стопы свои к Южной лужайке.

Дэвид уже покинул «Ротонду» и теперь лежал перед ней на траве – ничком, пожевывая стебелек подорожника.

– Добрая ванна, добрый сон? – спросил он.

– С последним не получилось, – ответил я, присаживаясь на нижнюю ступеньку поднимающейся к летнему домику каменной лестницы.

Он, прищурясь, взглянул на меня.

– А это сооружение вам к лицу, – сказал он. – То же благородство пропорций.

Нахальный щенок.

– В твоих словах правды больше, чем тебе кажется, – ответил я, оглянувшись на строение за моей спиной. – Джон Бетчеман⁷⁶ дал мне прозвище «Воловья Ротонда».

Дэвид почтительно улыбнулся и вынул стебелек изо рта.

– Вы плакали? – спросил он.

– Приступ сенной лихорадки. Воздух полон пыльцы и прочих неестественных поллютантов. Видишь ли, мои мягкие ткани настроены на Лондон с его благодетельными сернистыми соединениями и оздоравливающим азотом.

Он покивал:

– Я видел вас в окне с мамой.

– О, а!

– Разговаривали обо мне?

– Помилуй, откуда такая мысль?

– Ну, – он опустил взгляд на переползающего через его пальцы паучка, – она за меня беспокоится.

– Если бы тебе пришлось давать в газету, в раздел «Требуется», объявление о найме матери, то лучшей фразы, чем «Должна быть готова к необходимости беспокоиться круглые сутки», ты бы для описания ее обязанностей придумать не смог. Таково основное занятие матерей, Дэви. И если они перестают беспокоиться хотя бы на десять минут, это наполняет их беспокойством, так что они начинают беспокоиться с удвоенной силой.

– Это я понимаю... но только обо мне она беспокоится сильнее, чем о Саймоне или близнецах. Я же вижу, как она на меня поглядывает.

– Да, но ведь у близнецов есть няня, так? А Саймон, как ни крути, он...

– Он – что?

Мне не хотелось прибегать к таким словам, как «зауряден», или «скучен», или даже «неумен», – словам, скорее всего, несправедливым.

– В Саймоне больше привычного, традиционного, ведь так? Ну, ты знаешь, староста класса, регби, армия, все такое. Он... надежен.

– А я, выходит, ненадежен?

– Чертовски надеюсь, что это так. Я бы не хотел, чтобы у меня под ногами путался крестник, о котором нельзя сказать, что он необуздан и опасен.

Дэвид улыбнулся:

– Мама, наверное, рассказала вам о том обеде?

– Ты насчет кроличьей блохи?

– Почему разговоры обо всем, что связано с сексом, так смущают людей?

– Меня не смущают.

⁷⁶ Сэр Джон Бетчеман (1906–1984) – английский поэт, ставший в 1972 г. поэтом-лауреатом.

- Нет?
- Определенно нет. – Я вытащил сигарету.
- Вы ведь отдаете сексу немалое время, верно? Все так говорят.
- Немалое время? Это как посмотреть. Я не отказываюсь ни от каких предложений по этой части, вот это верно.
- Саймон говорит, что однажды видел вас с миссис Брук-Камерон.
- Да ну? Надеюсь, его это зрелище повеселило.
- Дэвид встал, стряхнул со штанов травинки.
- Может быть, пройдемся?
- Давай. Ты сможешь срезать молоденький ясень и сделать из него клюку для меня, а заодно уж сообщишь мне названия полевых цветов.
- Мы направились к озеру и к рощицам за ним.
- По моему мнению, – сказал Дэвид, – любви люди стесняются больше, чем секса.
- Ага. И почему ты так думаешь?
- Ну, о ней ведь никто не говорит, правда?
- А по-моему, люди главным образом о ней и говорят. Возьми любой фильм, любую популярную песню, любую телепрограмму. Любовь, любовь, любовь. Занимайтесь любовью, а не чаепитием. Все, что нам нужно, это любовь. Любовь – огромная страна. Любовь загубит мир.
- Ну, это все равно что заявить, будто они постоянно говорят о вере, потому что то и дело повторяют «Боже мой!» и «Иисусе!». Они упоминают о любви, но по-настоящему о ней не разговаривают.
- А вот интересно, – сказал я, – ты когда-нибудь был влюблен?
- Да, – ответил Дэвид. – С тех пор как себя помню.
- М-м.

Некоторое время мы продвигались в молчании, огибая озеро. Поверхность воды рябила от гребляков, стрекоз и множества скользящих по ней насекомых, опознать которых я не мог. Тяжелый, мясистый запах воды, гниения, грязи поднимался от берегов. Дэвид все время озирался на ходу, стреляя глазами туда и сюда. Не думаю, чтобы он что-то искал. Мне вдруг вспомнилась игра под названием «комната Гектора», я однажды играл в нее в Шотландии, когда гостил у Кроуфордов. Знаешь такую? Тебя на минуту заводят в комнату, ты оглядываешься, потом выкатываешься из нее и ждешь, пока прочие игроки заходят туда по одному и производят небольшие перестановки: передвигают настольную лампу, прячут мусорную корзинку, меняют местами пару картин, приносят какой-нибудь новый предмет – в этом роде. Потом ты возвращаешься и стараешься указать столько изменений, сколько сможешь. Кроуфорды поначалу играли в нее в комнате своего сына Гектора, отсюда и название, настоящее же ее назначение, как мне всегда представлялось, состояло в том, чтобы показать гостям, мужчинам и женщинам, где чья спальня находится – дабы они могли с большей легкостью предаваться ночному бдению. Мне, во всяком случае, она никакой другой пользы не принесла. Так или иначе, на лице игрока, возвращавшегося в измененную комнату, появлялось особое выражение – медленная улыбка, рыщущий, мечущийся из стороны в сторону взгляд, вспышки подозрительности и радостные, резкие повороты головы, словно он надеялся, что успеет застучать предметы обстановки в самом процессе их

перемещения. Вот эти мгновения игры и напомнило мне, причем в точности, поведение Дэвида.

– Пожалуй, я скорее имел в виду следующее, – сказал я. – Пребывал ли ты когда-либо в *состоянии* любви? – как ни кошмарно звучит эта фраза.

Дэвид остановился, вглядываясь в древесный гриб на стволе ольхи, у самой земли.

– Конечно, – ответил он. – С тех самых пор, как себя помню.

– Гм. Тогда позволь мне, Дэви, выразиться поглубже. Ты когда-нибудь испытывал вожделение?

Он поднял на меня взгляд и медленно повторил:

– С тех самых пор, как себя помню.

– Правда? И ты что-нибудь предпринимал по этой части?

Он чуть покраснел, но ответил резко:

– Нет. Абсолютно ничего.

– А есть кто-нибудь, кто тебе особенно по душе?

– Вы помните рождественскую охоту, четыре года назад, – сказал он, – когда кто-то подменил патроны и всюду летали конфетти?

– Очень живо.

– Тогда все решили, что это дело рук тех типов из «Нового века»,⁷⁷ которые жили в Восточной сторожке.

– Да, припоминаю, ходили такие разговоры.

– Ну так это не они.

– Нет?

Пока мы возвращались вокруг озера к дому, он рассказал мне, чьих это рук было дело. Он не взял с меня клятвы сохранить тайну, никаких глупостей в этом роде, но поскольку помпезный ритуал ружейной охоты никогда мне особого удовольствия не доставлял, я все равно не собираюсь открывать ее кому бы то ни было. Кроме тебя, конечно. В ближайшие дни я переделаю поведенное им в занимательный рассказик и пошлю его тебе отдельным письмом.

И только вечером, переодеваясь к обеду, я вдруг сообразил, что на последний мой вопрос Дэвид так и не ответил.

⁷⁷ Религиозное течение «Нью-эйдж» («Новый век») возникло, в частности, из теософии Е. Блаватской и агни-йоги Рерихов и соединило в себе оккультизм, индуизм, гуруизм, буддизм. Широкую популярность это учение приобрело в 70-х годах XX в.

III

20 июля 1992,
черт знает какая рань

Уже понедельник, дело идет к семи утра, и большую часть ночи я провел, сочиняя это послание.

После обеда настроение у меня было самое паршивое. Никто не остался, чтобы выпить со мной, никто не пожелал сыграть в карты, вообще как-то поразвлечься. Я поднялся наверх, в мою комнату, и предался хандре.

Такие приступы уныния объяснению поддаются с трудом. Хотя можно, конечно, попытаться найти для них разумное обоснование. Не исключено, что я лезу на стену всего-навсего из чувства вины, – как ни крути, а я злоупотребляю гостеприимством Логанов: ведь я, если называть вещи своими именами, твой платный шпион. Но это объяснение нынешнего моего душевного состояния кажется мне маловероятным, думаю, дело тут скорее в моих мафусаиловых веках.

Вот я лежу в моей комнате под огромным балдахином и прислушиваюсь к обычному в летнюю пору ощущению – чешется там, чешется тут. Зазудело там, это породило зуд здесь, а это порождает зуд еще в одном месте, и в конце концов я обнаруживаю, что дергаюсь уже весь, как та девчонка в фильме про изгнание дьявола. Примерно то же самое происходило и в моей голове, в ней тоже словно бы лопались какие-то зудливые пузырьки. Виски я мало принял перед тем, как залечь, вот в чем вся штука.

Мне скоро стукнет шестьдесят шесть, думал я, активная физическая жизнь подходит к концу. Тело мое, когда я двигаюсь, напоминает и обличьем, и звуками, которые оно издает, наполненный йогуртом пластиковый пакет; моя способность сосредоточиться на чем бы то ни было – единственное, если не считать эгоизма, что необходимо поэту, – слабеет. Супружества мои закончились пшиком, а в смысле профессиональном никто меня всерьез не воспринимает. «Поэт правого крыла» – так они меня именуют. Типичная тупоумная херня. Только потому, что я не вторю сладкоречивым заповедям академической коза ностры, только потому, что я в гробу видал титулы и приличные манеры, только потому, что я понимаю разницу между политикой и поэтикой, только потому, что мне присуще определенное чувство национальной принадлежности, только потому, что я считаю Киплинга поэтом лучшим, чем Паунд⁷⁸ (точка зрения, кстати сказать, которую начинают в последнее время разделять даже привыкшие ходить по скользкому льду представители академических кругов), – только потому, коротко говоря, что у меня имеется собственная башка на плечах, меня принято игнорировать и принижать. Ну и пошли они в жопу. Пошли в жопу все до единого. Впрочем, в этом нет никакой необходимости: они давно уже там. И все же меня не покидает чувство – чувство, от которого я никак не могу избавиться, – чувство, что меня, вот на этом самом этапе моей жизни, турнули из газеты по причине более чем резонной, – да нет, не так, резонная-то она, конечно, резонная, но

⁷⁸ Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936) – английский поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии. Эзра Лумис Паунд (1885–1936) – американский поэт-модернист.

я хотел сказать, что добился увольнения сам, и более чем осознанно. Ну еще и идиотизм существования, он тоже не давал мне заснуть. Тебе, наверное, приходилось переживать мгновения, в которые жизнь кажется бесконечно абсурдной? Особенно теперь, когда над тобой висит угроза смерти. Со мной это чаще всего случается, когда я смотрю из окна движущегося автомобиля или вагона. Вдруг попадаете на глаза что-то совершенно обыденное, какие-нибудь колокольчики, кивающие на насыпи, или семейство, устроившее пикник посреди придорожной автостоянки, и вдруг твой разум оказывается не способным более поддерживать представление о мире, полном жизни, материальных объектов и твоих собратий, человеческих существ. Сама идея Вселенной становится чудовищной, и ты обращаешься в чуждое этому миру существо. Что, черт подери, думает себе это дерево? Почему вон та куча гравия так терпеливо торчит на одном месте? И чем занимаюсь я сам, таращась в это окно? Почему все эти молекулы стекла слиплись воедино и повисли в воздухе, позволяя мне глядеть сквозь них? Такие мгновения проходят, естественно, и мы возвращаемся в царство сущего, к нашим унылым помыслам и еще более унылым газетам; секунда – и мы снова становимся частью мира, готовой обозлиться до апоплексического удара из-за тупости некоего министра или озаботиться участью какого-нибудь нового идиотического направления в искусстве, – мы снова обращаемся в часть огромной навозной кучи. Отсутствие наше в ней было столь мимолетным, а наша способность как-то им управлять – столь пренебрежимо малой, что никаким усилием воли повторить этот опыт нам не удастся.

Питера Камбрика, которого я довольно близко знал в семидесятые годы, – боюсь, ты тогда еще под стол пешком ходила – до самой его кончины мучила история, связанная с одной, в 1964 году происходившей, охотой в Южной Африке. Он подстрелил пару слонов – одного этого по нынешним понятиям довольно, чтобы обречь его на вечное проклятие, – но ухитрился добавить к ним еще и двух бушменов, а подобные подвиги не приветствовались уже и в те времена. Сто лет назад еще можно было завершить рассказ о таком происшествии словами: «Разумеется, всю эту историю замяли». Но в 1964-м история выплыла наружу и совершенно изгадила Питеру жизнь – имя его, как имя простофили Профьюмо⁷⁹ или одного из участников уотергейтской⁸⁰ шайки, оказалось навеки связанным со скандалом. Все дело в том, что Питер был превосходным стрелком, и потому поползли слухи, будто он намеренно взял тех туземцев на мушку. Поверить в это было трудновато, поскольку Камбрик происходил из прогрессивной семьи, отстаивал в палате лордов интересы либералов и неизменно голосовал за отмену смертной казни. Объяснение случившегося свелось к тому, что он ошибочно принял пощелкивания, посредством которых общаются друг с другом обитатели пустыни Калахари, за крики страусов. Этого хватило, чтобы Питер сохранил возможность появляться в гостиных сильных мира сего, однако так и не

⁷⁹ Джон Деннис Профьюмо, занимавший с 1960 по 1963 г. пост министра обороны Великобритании, оказался замешанным в громком скандале, связанном с его любовницей, моделью Кристиан Келли, подозревавшейся в шпионаже в пользу СССР.

⁸⁰ Подразумевается «уотергейтское дело» – политический скандал, вызванный проникновением во время президентской кампании 1972 г. пяти взломщиков в помещение Национального комитета Демократической партии, находившееся в вашингтонском отеле «Уотергейт», и их арестом на месте преступления. Как выяснилось в дальнейшем, взломщики были связаны с комитетом за переизбрание на второй срок президента-республиканца Р. Никсона. Никсона переизбрали, однако в 1974 г. ему пришлось подать из-за этой истории в отставку.

избавило бедолагу от приставшего к нему отпечатка некоего неприличия. Так или иначе (набираю побольше воздуха в грудь), отпечаток этот был небезосновательным: как-то в середине семидесятых мы с Питером в одной машине возвращались в Лондон после розыгрыша «Челтнемского золотого кубка»,⁸¹ понемногу надираясь на заднем сиденье дармовым «Хайном» или «Мартеллем», не упомяну уж, какой из коньячных домов был в те времена спонсором скачек, и Камбрик признался мне, что действительно тщательно и осознанно прицелился сначала в одного туземца, а после в другого, но сказал при этом, что у него имеется оправдание. Похоже, ему внезапно выпало одно из странных мгновений, которые я тебе описал. Вся обстановка, которая его окружала: «велд», деревья, дичь, носильщики, самое небо над головой, – все стало для него нереальным. Существование утратило какой бы то ни было смысл. Жизнь лишилась даже преходящего значения – и его, и чья-либо еще. Впрочем, выпустив вторую пулю, он опомнился и уронил ружье, шепча «боже мой, боже мой», пока до него доходила вся суть случившегося.

«То, что я испытал тогда, Тед, – сказал он мне, – было самым настоящим экстазом». «Экстазом?»

«С того дня я прочел многое из написанного матерью Юлианией,⁸² проштудировал “Пелену незнания”.⁸³ Мистиков. “Экстаз” означает по-гречески пребывание за пределом собственной личности».

«М-м, – отозвался я. – Ну да. Но ты же понимаешь, друг мой, что суд счел бы это оправдание шатким».

«Есть высший суд», – ответил с сентиментальной сентенциозностью хорошо образованного человека Питер, на чем мы эту тему и оставили.

Так я лежал, мучимый многообразным зудом, и проклинал склад собственного ума, впадающего при всяком столкновении с безнадежной бессмысленностью существования скорее в апатию, чем в экстаз. Когда любой внешний толчок порождает внутреннее отталкивание, человеку приходится искать причины, которые позволят ему вылезать по утрам из постели, – причины, во всяком случае, более основательные, чем боязнь нажать пролежни.

Я отбросил одеяло, босиком доковылял до столика с напитками и уставился на бутылки.

«Хрен господень, – сказал я себе. – Еще и четырех утра нет. Неужели я докатился до этого?»

Так я и простоял, глаза на бутылки с виски, более часа. Серебристый свет между шторами, над высокими зелеными горлышками, сменился белизной, птичье пение наполнило воздух. А я все никак не мог унять слез. Вздорных слез, слез разочарования, сентиментальных слез, слез вины... Не знаю, что это были за слезы. Просто слезы, праздные слезы.

Погулять, подумал я, хватаясь за полную бутылку и втискивая ступни в обувь. Погулять, самое милое дело.

Решив не связываться с огромной парадной дверью – что было чревато сложностями, – я вылез через французское окно гостиной на террасу и

⁸¹ Ежегодные скачки на ипподроме в г. Челтнеме, графство Глостершир.

⁸² Святая мать Юлиания из Нориджа (1342–1416) – мистически настроенная монахиня, написавшая книгу «Откровения Божественной любви».

⁸³ Анонимное мистическое сочинение XIV в.

некоторое время слонялся там, приюхиваясь к утреннему воздуху и стараясь убедить себя, что качеством он куда выше нашего лондонского тумана.

Несмотря на все окружающие меня признаки кипучей жизни – на уже упомянутых птиц, на ростки, выбрасываемые зеленью газонов, деревьями и кустами, – я остро сознавал, что вокруг стоит мертвенный покой. А возьми тот же Лондон – в половине пятого утра он положительно бурлит. Выхлопы с громом несущихся по пустым улицам газетных фургонов, плеск извергаемой отверженными мочи, быстрое стаккато тонких каблучков в переулках, дребезжание одинокого такси и орущие на площадях и улицах дрозды с воробьями – орущие громче, чем в какой угодно деревне, – все эти звуки оживают и обретают значение благодаря свойству, которое присуще каждому великому городу: акустичности. В городе все звенит. Сельский мир напрочь лишен резонанса, отзвуков или эха, напрочь лишен этого благовеста цивилизации. Что и делает его очень милым для оздоровительных наездов в наугад арендованный дом или воскресных вылазок, но решительно непригодным для человеческого существования. Сельские жители, разумеется, думают иначе: дай им волю, они бы выстлали Пикадилли и Стрэнд мхом и запустили бы плющ по стенам Букингемского дворца – только для того, чтобы не дать ни единому звуку отражаться от них рикошетом. И с идеями дело обстоит в точности так же. Выкрикни поутру в столице какую-нибудь мысль, и она в тот же день появится в последнем вест-эндском выпуске «Стандард», раздел «Дневник лондонца», в тот же вечер станет предметом визгливых дебатов в клубе «Каркун», а через неделю будет осмеяна на страницах «Тайм аут»⁸⁴ как устаревшая. Бессмысленно – вне всякого сомнения; отвратительно – еще бы, но определеннейшим образом знаменует обстановку куда более живую, чем в идиллической аркадии, где продвижение всякой идеи обладает разительным сходством с прыжками проколотого теннисного мячика по торфяному болоту.

Должен, впрочем, признать, что одна штука удастся сельской местности на славу, и это роса. Она-то, пока я стоял на террасе, облокотясь на балюстраду и сжимая в руке бутылку виски, из которой не отпил пока ни глотка, и приковала мой взгляд. Широкая полоса муравы, уходящая к огражденной канаве, и за канавой, там, где временами пасутся лошади, где трава поглубже, – все это, как и можно было ожидать, купалось в прелестной, притягательной росе. Однако мое внимание привлекла полоска травы потемнее, пересекавшая лужайку посередине, – явный след недавно прошедшего здесь человека. Садовник, подручный садовника, егерь или кто-нибудь из прислуги даже в наши неблаговоспитанные времена, рассудил я, наверняка держался бы дорожки, так кто же – быстрый взгляд на часы, – кто из домашних стал бы бродить здесь в три робкие минуты шестого?

⁸⁴ Выходящий раз в две недели информационный журнал прогрессивного толка, печатающий по преимуществу разнообразные рецензии и временами политические статьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.